

НЕВОЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛИ И ОЖИДАЮЩИЕ КАЗНИ

Многие оставшиеся в живых бывшие царские узники еще не позабыли „смертников“, т. е. людей, осужденных к смертной казни и ожидающих казни, с которыми приходилось прожить не только в одних отделениях, но и в совместных камерах. Правда, после суда смертника немедленно заковывали в ручные и ножные кандалы и должны были помещать в отдельный, предназначенный для ожидающих казни коридор, но нередко, вследствие крайнего переполнения царских тюрем, смертники размещались в камерах, смежных с камерами каторжан и др. заключенных.

При самом строгом режиме заключенные умудрялись передавать друг другу записки, табак, спички. Со стороны каторжан и других заключенных замечалось исключительное, можно сказать, внимание к одиночкам и камерам, в которых доживали последние дни и часы смертники. Преодолевая невероятные трудности и опасности большинство из заключенных чем только могли облегчали участь обреченных, и заключенный, которому удавалось сделать ничтожную услугу смертнику, считал себя морально удовлетворенным, сознавая, что хоть на минутку, хоть мелочью да помог смертнику.

Не все приговоренные к смерти могли выдерживать и владеть собой в мучительном ожидании казни иногда по несколько месяцев. И часто более стойкие смертники — политические — должны были поддерживать и утешать смертников из уголовных или более слабых из политических. Отчаянные мольбы и слезы простодушных крестьян-аграрников (т. е. осужденных за участие в крестьянских восстаниях) и бьющиеся в истерике уголовные так влияли на окружающих заключенных, что многие не только лишались сна, но теряли и рассудок, сходили с ума.

Ночью каждый шорох по коридору заставлял вздрагивать не только смертников, но и заключенных на срок. И если смертник на рассвете уже был мертв и перестал переживать муки ожидания казни, то для оставшихся в живых сокамерников, сопроцессников — взей казненного кошмар происшедшего усиливался кошмаром ожидающих на следующее утро новых казней.

Очень часто казни „для устрашения преступников“ происходили тут же в тюремном дворе, почти на глазах у заключенных.

Палачи с циничной откровенностью строили эшафоты против окон узников; во всеуслышание громко читались приговоры к казни, и мучительнее всего были доносившиеся к оставшимся в живых последние слова и прощальные выкрики обреченных на смерть.

Впечатления и воспоминания о казнях охватывали на всю жизнь. Чувство бессилия, сознание невозможности изменить события сильно мучило каждого невольного свидетеля. Днем и ночью, во сне, мозг работал в одном направлении, вновь переживалось совершенное гнусное дело казни революционера. На этой почве в тюрьмах выросли протесты, обструкции, бойкоты, голодовки, самоубийства.

Отдельные издания, вышедшие в эпоху реакции после революции 1905 г., а также воспоминания старых революционеров, бывших политкаторжан, печатаемые в журналах „Каторга и ссылка“ и др., воспроизводят очень много тяжелых сцен, пережитых невольными свидетелями казней и рассказывают о муках переносимых ожидавшими вызова на эшафот. Так как большая часть отдельных изданий, вышедших в период до революции, хранящиеся в немногих экземплярах в наших книгохранилищах, читателю не всегда доступны, автор считает нужным привести отрывки из них:

Невольный свидетель казни по делу „Пролетариат“ так описывает последние минуты жизни Бардовского, Куницкого, Петрусинского и Оссовского:

„Так медленно подкрадывался сороковой день...

27 января (1885 г.) мы были на прогулке, когда жандармы сказали нам, чтобы мы прекратили прогулку, потому что приехало начальство. Мы возвратились в камеры. Нас заперли.

Минуты проходили в тишине. Все мы замерли в ожидании. Что принесет нам это посещение? Тишина тянулась без зловеющих признаков. Четверть часа спустя, кто-то из начальства прошел по коридору. Шаги жандармов и их порывистые движения убедили нас в этом. Прошли и не зашли ни в одну камеру.

Снова тишина, но не обычная. Не такая, какая была до прихода начальства. Тогда чувствовалось напряжение и ожидание. Теперь в тишине коридора слышался шопот жандармов: они делятся впечатлениями, вызванными появлением начальства.

Нам легче стало. Вздохнули свободнее. То был верно какой-нибудь генерал, который осматривает тюрьму... и ничего больше. В его визите нет ничего общего с нашими приговоренными. Прогулка наша сокращена на полчаса, а теперь уже давно протекало обычное время для прогулки... ничего странного, что нас не ведут на прогулку. Вихрь тревоги стал мало по малу утихать. И снова тюремная жизнь начинала входить в обычную колею. Я делился своими мыслями с Бардовским, когда нашу дверь открыли и старший унтер-офицер попросил Бардовского в канцелярию.

Точно нож вонзился в мое сердце. „Не конец ли это“? Мысль эта, как раненая птица, затрепетала в моем мозгу. Бардовский, желая, вероятно, хоть отчасти приподнять завесу неизвестности, спросил:

— Одеться?

— Нет, — ответил старший, — только в канцелярию сделать подсчет с заведующим.

Я смотрел с напряжением.

Бардовский бросил взгляд на меня и вышел из камеры. Я понял его взгляд. В нем была надежда, но и прщание.

„Повесят. Повесят“ ... — забила мысль моя.

„Все кончено“ ...

„Побегом теперь уж не вернуть их к жизни“.

Увели Куницкого, Петрусинского и Оссовского.

„Ясно для чего“ ...

В камеру вошел снова старший с жандармами забирать вещи Бардовского.

Я ни о чем его не спрашивал, подошел к нему и посмотрел ему в глаза. Он понял меня... Он отвернулся.

Слезы не текли из моих глаз. Рыдания не давили мою грудь.

Тогда первый раз в жизни охватило меня страшное чувство, чувство самое тяжелое для человека, чувство бессилия, когда жжет жажда обладать нечеловеческой силой... („Сорок дней перед казнями“).

Невольные свидетели казни 8 политических в рижской центральной тюрьме в ночь на 16 мая 1906 г. так передали свои переживания:

„Была полночь. Все уже почти улеглись спать. Вдруг открылись двери некоторых камер и через минуту оттуда стали раздаваться такие крики, что мы все вскочили со своих постелей. Моментально разнеслась весть по всей тюрьме, что это пришли вырвать из нашей среды 8 товарищей, приговоренных к смертной казни. Невозможно описать, какой переполох поднялся в тюрьме. Все, как один человек, бросились к дверям и окнам. От диких криков и стука в двери дрожала тюрьма. Товарищи, которых насильно тянули к смерти, начали прощаться со всеми. Некоторые из них отбивались от солдат. Поднялся такой общий стон и крик, что буквально кровь стыла в жилах. Некоторые товарищи затаили: „Вы жертвою пали“, „Марсельезу“, „Варшавянку“, но таким ужасом веяло от этих песен. У многих на глазах показались слезы, другие плакали навзрыд. Холодно становилось на душе. Каждому хотелось разбить двери, разрушить стены и пойти на выручку товарищей. Как дороги были они для нас в эту минуту. Мы бы отдали собственную жизнь, лишь бы спасти их... Но двери прочно заделаны и не поддаются действию наших ударов. Голоса дорогих товарищей

становились все тише и слабее, пока двери коридора не закрылись и они не исчезли для нас навсегда...

Мы были так ошеломлены и подавлены, что не знали, что делать, с чего начать — так неожиданно было все это для нас. Вся ночь никто не сомкнул глаз. Следующий день был для нас траурным днем. Мертвая тишина царила в тюрьме. Никто не выходил из камер, мы отказались от прогулки, не принимали пищи.

Еще одну жертву принесла нам эта злополучная ночь, товарищ Моисей Фрадкин, не выдержав всего этого, покончил самоубийством. Мы за эту одну ночь состарились на 10 лет. Мысль о самоубийстве появлялась у многих.

Уголовные и те были подавлены этим фактом. У надзирателей дрожали руки и ноги. На следующий день один из них (надзиратель) рассказал нам, как произошло кровопролитие:

Ровно в 12 час. ночи раскрыли двери камер осужденных и 2 солдата с ружьями в руках остановились у дверей. Раздалась команда офицеров „выходи“. По приказанию офицеры солдаты схватили и начали тащить по коридору. Сами солдаты были страшно бледны. Некоторые из 8 осужденных товарищей не хотели идти добровольно и их тащили силой. Один сбросился с лесницы, остальные шли бодро с пением „Марсельезы“. Долго тянулось время, пока их увели. В канцелярии их задержали для совершения некоторых формальностей. Тут палач вспомнил, что веревки нет — пошли искать веревку. Все это продолжалось около 2 часов. Двор был полон драгунами, казаками и пехотой. На пожарных возах повезли товарищей, точно скот на убой. Их убили на острове „Макнисгальм“ (близ Риги)*.

Почти на глазах сотен заключенных одесской тюрьмы, по приговору полевого суда, 7 сентября 1906 г. днем был расстрелян Леон Тарло. Этот расстрел лишил заключенных на долгое время покоя и сна. Население женских камер превратилось в нервно больных, оттуда долгое время раздавались истерики и вопли. Вся тюрьма в знак протеста объявила голодовку.

Арестованный депутат 2-ой государственной думы с.-д. Ломтатидзе, невольный свидетель казней, в 1908 г. прислал письмо на имя с.-д. фракции думы, из севастопольской тюрьмы следующего содержания:

„Не первый раз сижу я в заключении, не впервые слышал и видел, что делается за тюремными стенами, но то, что здесь происходит — это настолько из ряда выходящее, что при одном воспоминании обо всем этом немею от ужаса.

Рассказать все подробно и невозможно сейчас, и не могу, ибо я сильно болен, голова кружится и долго писать я не в состоянии. Но я хочу описать вам только одно — хочу писать, в какой обстановке, каким образом происходят здесь казни приговоренных к повешению. А казней здесь происходит много: за мое время (с конца мая 1907 г.), как я здесь, казненно больше

70 человек, сидят же в ожидании исполнения приговора сейчас 15 человек, а ждут приговора до 90 человек, — это в эту сессию только. Все дела, подсудные военному суду в Таврической губернии, разбираются в Севастополе, поэтому все смертники стягиваются сюда со всех концов губернии и здесь „наказываются“.

Казни совершаются в больничном дворе, на расстоянии 7 арш. от моего окна. Эшафоты начинают строить в 6 часов вечера под молодым грушевым деревом, и с этих пор (с 6 часов) до самого утра мне приходится бодрствовать (извольте спать!) и переживать все это, подчас собственными глазами видеть все ужасы, в бессильной злобе биться об стену, ругаться, кричать, стучать и выслушивать циничные окрики часовых и полицейских ингушей, во главе с полицеймейстером, наполняющих все это время больничный двор.

Приговоренные к смерти сидят в ожидании исполнения приговора по несколько месяцев, каждую ночь ожидая, что их возьмут; поэтому они не ложатся спать до самого утра — утром только, истомленные и разбитые от напряжения, падают как мертвые и спят весь день. И вот малейший шум в коридоре шага коридорного надзирателя, звон ключей их заставляют вскакивать и нечеловеческим голосом кричать на всю тюрьму: „Помогите, меня хотят вешать, помогите!“. Просыпается тюрьма, поднимается шум, крики, стук в дверь... Где то в камере начинают петь похоронный марш, где то кричат: „прощайте, прощайте!“.

Тюрьма на осадном положении, после взрыва и бегства. Вводятся в коридоры солдаты с винтовками, заряжаются ружья, раздается команда: „Как только шум — стрелять“...

Но, оказывается, никого сегодня не вешали — это только показалось им. Но спать нельзя. Администрация открывает камеры и начинает водворять порядок; начинаются побои, при чем, во избежание крика, им завязывают рот, ругаются трехэтажными ругательствами, отбирается постель, мыло, сахар, табак и т. д.

Но вот действительно должна произойти казнь. Это уж известно с вечера, ибо видно, как заносят гробы, по числу их определяется, сколько людей должно быть казнено ночью. Потом приходит полиция — ингуши, которые становятся в коридоре тюрьмы и во дворе... Где то слышится заглушенная борьба, вроде крика, видно, еще не успели завязать рот смертнику как следует... Открывают камеру приговоренного, и несколько человек набрасываются на него, при чем один держит подушки, чтобы закрыть рот. Но и преступник готов, он без борьбы не дается им в руки, только в его распоряжении нет ничего и он долго не может сопротивляться. Крика нет, слышно уже мычание, слышен хрип.

Начинает стучать молоток, это расковыывают преступника, но зато туго, до крови, завязывают ему руки назад, завязывают

ноги (а быют безостановочно), от крика гарантированы, выносят на руках в контору, в темную комнату и бросают на пол, где он и лежит до того времени, пока приготовят эшафот, придет прокурор и другие власти. В это время воздвигается эшафот — это уже у моего окна. Надзиратели носят столбы и другие принадлежности, из коридора больницы выносят шкаф, который служит подножием для повешенного (на шкаф ставят маленький стульчик и на нем преступника, потом отнимают из под ног стульчик, и казненный начинает болтаться над шкафом). Днем же этот шкаф служит нам двойную службу. Палач же (говорят, городской третьего участка) отдыхает в смежной комнате, в аптеке. Приносят гробы и ставят около эшафота. Готово... На руках, как бревно, несут приговоренных, в одной рубашке и кальсонах, босых, дрожащих от холода, кладут их сначала на землю, потом осторожно развязывают, освобождают от веревок руки, ставят на ноги, при чем большей частью они не могут стоять — их надо держать, чтобы не упали, раскрывают рот, но в случае попытки крикнуть — теперь уже руками хватают их за „машинку“, как выражается один из помощников начальника, и только теперь является к эшафоту прокурор, который читает приговор.

Тюрьма в это время шумит, поет похоронный марш, там бегают солдаты, раздаются приказания молчать... Все это в преступнике, должно быть, пробуждает желание жить, жить во что бы то ни стало, он падает на колени, плачет, умоляет, лезет целовать руки — прокурор, доктор, поп, отворачиваются, отходят, тюремщики же громко говорят: „Ага не хочется... не хочется... не хочется“... Подходит палач и кладет руку на плечо, он падает ниц. Брасаются надзиратели, поднимают, он начинает работать ногами и мычит, мычит...

О, я никогда, никогда ничего подобного не слышал. Я не знаю, кто это мычит так, ничего человеческого в этом мычании нет, но нет и животного. Я же видел, как режут корову, барана, свинью, — они мычат, но это, это что то другое...

Несколько раз еще угощают пинками его, дотащили с большим трудом, немного повозились с ним, и что то висит уже на веревке, что то вытягивается... а другие осужденные видят, стоят и повторяют то же самое...

Такое обращение с приговоренными настолько вошло в обычай здесь, что один анархист-коммунист, некто Синьков¹, будучи приговорен к смерти, обратился к председателю суда с просьбой войти в сношение с кем следует, чтобы его, Синькова, не избили перед повешением, с своей же стороны обещался пойти на смерть молча, ни с кем не прощаясь и никому не сопротивляясь. Председатель обещал и обещание было, кажется, исполнено.

¹ Синьков - Терещенко. Казнен в Севастополе 8 мая 1906 г. как организатор военного восстания.

Был такой случай: приговорили к смерти некого Сазонова, с которым сидело еще 4 человека, осужденные на смерть. В одну ночь приходят к ним, отворяют камеру и вызывают троих, которых надо взять на казнь. Но перепутали имена и вместо одного, которого, нужно было взять, бросились на Сазонова. Он попробовал было сказать, что это не он, но моментально зажали рот, повалили на землю, завязали назад руки, насели несколько дюжих парней на него и пока снимали с ног оковы — били. Взяли в контору, бросили на землю в темной комнате и продержали до часу ночи, и в час же ночи доставили к эшафоту, и тут только он получил возможность заявить, что он другой. И только тогда обнаружилась „ошибка“. Бросились назад, доставили настоящего и разумеется казнили. Сазонову потом казнь заменили бессрочной каторгой: он проболел довольно долго.

Некто Фохт, смертник, больной тифом и имея 40° температуры, был взят в нижнем белье и в бесчувственном состоянии повешен. И это все под моим окном. Я старался приучить себя спать рано ложиться, в 6 часов, стараясь заснуть, но это, казалось, не приводит к цели, ибо всегда, как только начинали строить эшафот, надзиратель (постовой) стучался ко мне в дверь с предупреждением, чтобы я к окну не подходил, а то выстрелят и без суда отправят на тот свет“.

„Я спал очень крепко. Но при первых криках, несущихся откуда то издалека, я проснулся, и, еще не сознавая отчетливо, что значат эти крики, как то сразу понял, что опять началось то ужасное, что тяжелым кошмаром висело над нами уже несколько ночей. Каждый вечер мы ожидали наступления этого ужасного, и когда оно началось, то всем нам показалось невероятным, что безумное дело готово совершиться у нас перед глазами. Но крики, ужасные рыдающие крики, неслись в звонкой тишине, и у меня вдруг появилась сумасшедшая уверенность, что кричат ОНИ, уже погибшие в прошлый раз, что каждую ночь будут проходить они по гулкому коридору, проходить и кричать нам и всем тем, кто спит спокойно там, в холодном, равнодушном городе, за тюремными стенами, о наступающем ужасе.

„За дверью камеры слышится топот ног, смутный говор, непонятная возня, и вдруг чей то резкий надтреснутый голос отчетливо крикнул:

„Дай ему! Дай ему! Что орет!“ И затем крики смолкли, и где то внизу стукнула дверь. Я подбежал к окну. В камерах зимние рамы еще не вставлены, и замерзшие окна мертвенно смотрят в нашу камеру. Но кусочек стекла у самого подоконника остался не замерзшим, и я попрежнему припал к подоконнику и стал смотреть на освещенный двор. Еще раз стукнула где то дверь, и наступила жуткая мертвая тишина. Она казалась

бесконечной, и я уже готов был подумать, что они прошли где-то другими дверями на роковой дворик, но на освещенном электрической лампочкой дворе сразу появилась густая толпа. Она быстро прошла к калитке, и, странно размахивая руками; среди одетых в черное надзирателей быстро шел по двору одетый в арестантскую куртку „смертный“. Отчетливо неслись по двору из толпы опять два голоса, — один сильный и звонкий, другой глухой и слабый, — и, сливаясь и перебивая друг друга, в морозном воздухе повисли одни и те же слова:

„Товарищи, прощайте! Прощайте товарищи!“ Калитка открылась, „смертные“ вошли туда, толпа надзирателей стала таять, двор опустел, и только три — четыре черные фигуры, странно качнувшись, быстро бросились обратно в главный корпус. Кончилось или нет?..

„На площадке, мимо которой проводят „смертных“, слышались голоса возвратившихся от калитки надзирателей. В камеру доносились обрывки фраз, отдельные слова, по ним можно было догадаться, что речь идет о только, что совершившемся. — „И чего только канителиются?“ — заговорил кто то несколько громче. — „Два человека! Уж сразу бы всех“. — Голос смолк, и кто то другой заговорил пониженным голосом, а потом заговорили оба сразу, взволнованно, сопровождая каждое слово грубой, циничной бранью: „Возьми, говорит, зажми ему рот, а не понимает, что он палец откусит“, — „Нет, чудно! — заговорил опять первый голос. — Первый идет резво, а второй то, второй то... Умора! Как котенок слепой... Суется туда сюда. Уж лучше бы сразу накинуть ему на шею петлю. А то как есть слепой котенок“ ... (В. Короленко. „Бытовое явление“).

„Дорогая NN... Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо. Не знаю потому, что посылаю его не обычным путем, да еще и без марки... Опишу тебе подробно казнь четырех наших товарищей в ночь с 5 на 6 ноября. Вечером 5-го к нам в камеру заходил начальник тюрьмы и уверял нас в том, что приговоренные к смертной казни наши товарищи помилованы. Мы начальнику почти поверили, тем более потому, что перед этим приговоренные подавали прошение на имя главнокомандующего московским военным округом, и очень могло быть, что главнокомандующий заменил им смертную казнь бессрочной каторгой. На деле оказалось, что это со стороны начальника было хитрой уловкой. Он знал, конечно, что в эту ночь должна была произойти казнь, и старался нас успокоить. Осужденные тоже ничего не знали до того момента, когда их начали вешать, так что не могли даже проститься со своими родными. Но некоторые из нас не поверили начальнику и решили ночь не спать. Я заснул часов в 12 ночи, и ничего не было заметно. Часа в три ночи просыпаюсь и слышу крики: „повели!“ Бужу всех товарищей

и подбегаю к „волчку“. Вижу, что в коридоре стоят солдаты (обыкновенно их не бывает). Потом послышался лязг кандалов и шарканье многих ног по асфальтовому полу коридора. Через несколько времени мимо „волчка“ промелькнули фигуры солдат. Среди них шли 4 осужденных. Осужденные шли в одних рубашках, без верхнего теплого платья. Их, взяли прямо с постелей, не дав одеться в теплое платье. Лязг кандалов, шарканье ног по полу, сдержанный шопот надзирателей — все это покрывали громкие рыдания. Плакал один из приговоренных Сурков, молодой парень, лет 20. Осужденных вывели во двор и расковали там, а потом повели к месту, где они должны быть повешены. На дворе была морозная ночь. Дул холодный ветер. Вокруг всех стен с внутренней стороны были расставлены солдаты, а с наружной — казаки. Место для вешания выбрали такое, что оно не видно было из окон камер. Виселицы не было никакой, роль ее исполняла простая пожарная лестница приставленная к стене тюрьмы. Осужденных привели, поставили, прочли им приговор и предложили причаститься и исповедаться. Двое отказались, а двое причащались. Сурков продолжал рыдать; другие трое его успокаивали, как могли. Один из осужденных, Ножин, несмотря на свой возраст (17 лет), держался замечательно спокойно. Ну с, потом начали вешать, вешали по одному, а другие осужденные должны были ждать, пока тот совсем не скончается. Говорят, что палачами были двое надзирателей из нашей тюрьмы. Для того, чтобы их не узнали, им надели маски. Впрочем, наверное еще неизвестно, кто был палачами“ ...

Нам не видно было, как происходила казнь, и потому мы, от нечего делать, костили офицеров, которые стояли с солдатами вокруг стены... Одного из товарищей пришлось стаскивать с окна, потому что офицер уже направил на него револьвер. По окончании казни повешенных свалили на телегу и увезли из тюрьмы. Казнь сильно подействовала на товарищей. Раздался из одной камеры похоронный марш, и через некоторое время все пели. Мы не сговаривались, а вышло это так как то само собой. Когда началось пение, влетел начальник и потребовал, чтобы мы прекратили пение, грозился облить водой, перестрелять... Когда он ушел, пение все таки продолжалось. Повешенных всех четыре: Шишаков — 26 лет, Сурков — 19-ти или 20-ти, Ножин — 17-ти, Трушелев — 29-ти лет“. (В Короленко. „Бытовое явление“).

„В мае 1906 г. к депутату Гегечкори обратился Рудольф Глазко, томившийся в рижской тюрьме несколько лет без суда и следствия. Он умолял добиться для него суда, который так или иначе должен прекратить его нравственные и физические истязания. Глазко считал самым тяжким истязанием соседство смертников: „Посадили в одиночку, рядом с камерой смертников. По ночам не спал. В стенку торопливо стучат смертники... В ранние утренние часы по коридору раздается звяка-

ние шпор, шорох... Душу раздирающий крик: „прощайте, товарищи!“ ... На дворе гасят фонари. Смертников ведут в казнь“ ... (В. Короленко. „Бытовое явление“).

„Никто из заключенных не смыкал глаз в эту ночь... Живая развязка.“

Было еще совсем темно, когда коридор снова наполнился людьми. Прошел усиленный наряд стражников. Палач вышел во двор, чтобы сделать необходимые приготовления. Наконец прибыли власти. Стражники как то подбодрились и вытянулись. В секретках замолкли вопли, замерла несиња. Прибывшие громко разговаривали между собой, ходили по коридору.

В волчок общей камеры заглянуло чье то лицо, интеллигентное, выхоленное, украшенное изящными усиками.

— О, сколько их здесь! — произнес удивленный голос. — Один, два, три... Больше двадцати, пожалуй. Не все ведь сегодня?..

Другой, более солидный голос возразил:

— Да нет же! Это не те совсем... Здесь разные... Не сегодня — в соседней камере. Вы поглядите.

Господин с интеллигентными лицом, отошел от волчка.

Щелкнул замок у секретки. В коридор вывели анархиста — певца.

— Как звать? спросил суровый начальнический голос.

Осужденный ответил отчетливо и твердо.

Затем послышалось быстрое чтение: „По указу его императорского величества... признали виновным в том, что в местности, объявленной на положении чрезвычайной охраны... к смертной казни через повешение... издержки на счет суда... передать наследникам“...

И прежний суровый голос спросил:

— Священника примешь?

— К чему?

— Да ты отвечай: примешь или нет?

— Не приму...

— Ну и отлично... Ну живо!.. Пойдемте, господа!..

Топот многих тяжелых ног, бряцание ружей, звон кандалов... И твердый громкий голос:

— Прощайте, товарищи! За свободу...

Но никто не ответил на этот последний крик... Хлопнула дверь.

За стеной слышны были шаги, хрустел снег, долетали отрывочные слова разговора. Но вскоре и эти звуки затихли в отдалении. Арестанты сидели безмолвные, подавленные.

Прошло некоторое время — может быть пять минут, может быть час. Толпа снова вернулась в коридор.

— Следующего!

Щелкнул замок у второй секретки.

— Твое имя?

В ответ раздался надорванный вопль:

— Не я, ваше благородие!... Видит бог, не я!.. Не губите! Дедушка, родненький, ты хоть скажи, что не я!.. Ради Христа!.. Помилуйте!.. Ведь бумагу писали... Бумага будет!.. Родненькие мои! Да как же так...

— Помолчи - ка лучше! Как тебя звать? А? Ну, хорошо... Вот и слушай.

И опять быстрое чтение:

„По указу его императорского величества... к смертной казни ... через повешение“ ...

Мужик продолжал плакать.

— Священника примешь?

— Батюшка! Перед богом, невинен я... Семья дома...

И чей то густой, благочестивый голос успокаивает его.

— Ну, хорошо, хорошо... Встань на колени... Вот так... Молись... И аз, недостойный иерей, властью его, мне данной, прощаю и разрешаю... Ну, встань... Вот крест, поцелуй... Ну, так.

— Готово? — спросил суровый голос.

И благочестивый голос отвечал:

— Готово!

— Ну, так живо! пойдете.

И дверь захлопнулась за второй жертвой.

Так же взяли на казнь третьего, и четвертого, и пятого. Уже светало на дворе, когда начальство покинуло часть ... (Вл. Войтинский. „Вне жизни“. Очерки тюрьмы и каторги, СПб. 1914 г., стр. 21).

Полтавские тюремщики особенно искусно издевались над некоторыми смертниками. Вызывают смертника в контору, объявляют ему, что смертная казнь заменена тюрьмой, снимают тут же, для большей убедительности, с него кандалы и ведут обратно в ту же камеру; и создав в приговоренном надежду на жизнь — вешают его в ту же ночь.

Так обошлись полтавские тюремщики с аграрниками отцом и сыном Пилипенко. Уверенные, что им казнь заменена тюрьмой, отец и сын, наконец, после еженочных томительных ожиданий казни, уснули спокойным сном.

Но вот, в 1908 г., ночью врываются „ангелы смерти“ в камеру, быстро поднимают на ноги обоих Пилипенко и первым хватают сына:

— Куды ж цэ вы хлопця вэдэтэ? Берить мэнэ, старого, раниш, а потим уж робить з ним, що знаэтэ, щоб мои стари очи не бачылы.

Сын бросил отцу последнее:

— Прощайтэ, тату, прощайтэ, товариши!

Сначала казнили сына, вслед за которым повели на казнь отца. (Голубков. „Воспоминание смертника“. „Каторга и ссылка“, 1924 г. Киев, стр. 42 — 43).

„Я провела в тюрьме в общей сложности больше пяти лет. Много тяжелого пришлось пережить в эти годы. Самые тяжелые переживания были вызваны смертными казнями. Мне пришлось, когда я сидела в казанской губернской тюрьме (1907-1908), провожать на казнь. Все приговоренные доживали свои последние дни в одиночке по соседству с другими заключенными. Так как режим был тогда довольно мягкий, то мы могли видеть их, свободно с ними разговаривать и переписываться.

Ничего не может быть тяжелее — видеть молодого, полного сил человека и знать наверное, что через несколько дней его не будет в живых. Это такая мука, такая пытка, которую нельзя описать. Я никогда не забуду бессонных ночей, когда мы прислушивались к каждому движению в тюрьме, к каждому шороху, в ожидании, что вот придут и уведут твоего соседа, товарища, на виселицу. Хотелось биться головой о стену, кричать, неистовствовать. Иногда казалось, что ты не выдержишь этой пытки и сойдешь с ума. Первая казнь в нашей тюрьме была в начале ноября (1907 г.). Вечером я читала у стола, когда услышала, что призели из военно - окружного суда товарища Андрея Николаева. Я бросилась к волчку и услышала его голос: „Приговорили к смертной казни“.

Столбняк какой то нашел на меня, я не могла двинуться с места, стояла и слушала, а Андрей бодрым, громким голосом рассказывал о суде...

Между прочим он сказал, что не боится смерти, но ему очень тяжело, что приходится умирать из за товарища, которого он считал за хорошего человека и который оказался предателем и провокатором...

Мы слышали, читали о казнях, но то было далеко, а теперь настал и наш час пережить этот ужас. И потянулись мучительные дни и ночи. Места себе не находила, ничем невозможно было заняться. Каждую минуту подходила к волчку, прислушивалась к разговором в коридоре.

С каждым днем голос Андрея слабел, и мне труднее становилась разбирать его слова. На прогулку его водили мимо моей камеры. Я каждый раз смотрела на него, здоровалась с ним. Лицо у него становилось каким то мертвым, хотя он говорил что хорошо себя чувствует. К нему ходили на свидание отец, мать и сестры. Отец и мать отправили телеграммы на имя царя и царицы о помиловании и уговорили Андрея сделать то же. Он говорил, что ему тяжело было уступить их просьбе, но что очень жаль родителей, которые живут в вечной работе и страшной нужде и что он надеется, что товарищи отомстят за него.

После того, как узнала об отправленных телеграммах у меня явилась маленькая надежда на помилование, но все же ночи я проводила в напряженном состоянии.

На восьмые сутки после суда я только задремала часа в два, как вдруг услышала душу раздирающий крик: „Товарищи“.

потом какое то мычание и возню. Я, конечно, сразу поняла в чем дело. Подбежала к волчку. Вся тюрьма была на ногах. Раздались крики: „Прощай, товарищ! Проклятые палачи!“ и т. п. Слышно было, как прошли несколько человек по коридору и вышли на двор. Я к окну. Слышен шум и движение на дворе, крики и стук заключенных политических и уголовных во всех корпусах. Через некоторое время раздался громкий голос Андрея. „Прощайте, товарищи? Да здравствует свобода, смерть палачам!“ Ему тоже ответили прощальными криками.

Утром мы узнали, что Андрей спал, когда к нему пришли опричники. Проснувшись он закричал: „Товарищи“, но ему сейчас же зажали рот и развязали только перед петлей, когда подошел к нему священник, чем он и воспользовался, чтобы кричать свои последние слова. Казнь была произведена на тюремном дворе, в том месте, куда воят на прогулку политических из одиночек. Там выступившей вперед кузницей образовался закоулок, скрытый от глаз заключенных.

Само собой разумеется, казнь оставила после себя сильное впечатление, но мало по малу все вошло в обычную колею и понемногу стало притупляться острое чувство горя.

Но через месяц новая казнь всколыхнула всю тюрьму. Вечером мы услышали, что кого то привели в нашу тюрьму. На вопрос: „Новые товарищи, кто вы?“ — нам ответили: „Алексей Прокофьев и Иванов, приговорены к смертной казни“.

Первый вечер Алексей был оживлен, много говорил, подробно рассказывал о суде, возмущался всем происходившим там, говорил, что на смягчение приговора не надеется... На другой день настроение у Алексея пало и он почти не разговаривал. К нему два раза приезжал полицеймейстер, предлагал во всем сознаться, обещая ему помилование, но тот ответил, что ему не в чем сознаваться. Опять полетели телеграммы о помиловании, опять потянулись длинные, томительные дни ожидания. Надо сказать, что Иванов был родным братом по матери раньше казненного Андрея Николаева, — таким образом у одной матери казнили двух сыновей. Мы, сидевшие в ближайших камерах к Алексею, решили не спать по ночам и разговаривать, чтобы он не чувствовал себя одиноким. Алексей с нами почти не разговаривал, только прощался каждую ночь, говоря, что он чувствует, что сегодня придут за ним. Помню, в субботу на прогулке у меня дрогнуло сердце, когда я увидела расчищенное место, где был казнен Андрей, а раньше там был сугроб снега. Я пришла в свою камеру совсем убитой, в полной уверенности, что сегодня ночью будет совершена казнь. Но, сверх ожидания, ночь прошла благополучно. А следующая была роковой. Часов в 12 Иванов сказал Алексею, чтобы он был готов, так как двор полон солдат и полиции. После этого Алексей начал говорить. Голос у него сделался бодрым, громким. Он рассказал нам вкратце свою биографию... За его

речью я не слыхала, как подлые твари подкрались. Замки ~~за~~кнули. Послышалась возня, и их увели.

... Я подбежала к окну и раскрыла его. Была чудная ~~темная~~ ночь. Из моего окна не было видно ничего. Немного ~~погоде~~ раздались голоса: „Да здравствует свобода, смерть палачам“. Они громко, резко прозвучали в морозном воздухе...

В феврале 1908 г. была арестована группа экспроприаторов... Организатором этой группы был татарин Алиула Беклетдинов. Его посадили в одиночку недалеко от меня... С Али (Алиула) мы каждый день подолгу разговаривали. Он ~~часто~~ говорил, что смерти не боится, что он давно к ней готов, ~~что~~ он знал, на что идет, но его мучило, что он так неудачно выбрал себе товарищей... За первую экспроприацию Али ~~был~~ приговорен вместе с Василием Михайловым к 20 годам ~~за~~торги.

Я шла с прогулки, когда Али вели на второй суд, — он был такой бодрый, оживленный. Нам удалось поздороваться. И он, пожимая мне крепко руку, сказал: „Иду за смертным ~~приговором~~“. И он действительно его принес.

Через три-четыре дня после второго суда над Али и Василием в нашем коридоре появились еще двое приговоренных к смертной казни за неудачную экспроприацию в одной лавке. Можно себе представить, что мы передумали и перечувствовали за эти дни, находясь бок о бок с четырьмя смертниками.

Прошло 10 бесконечных, томительных ночей, настал ~~каждый~~ третьего суда над Али и Василием с товарищами. У меня, должно быть и у других, отлегло от сердца. Думалось, что накануне суда не станут приводить приговор в исполнение. Часов до 12 многие из нас довольно оживленно разговаривали через волчка, потом, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись, т. е. отошли от дверей. Сосед мой, Василий, уже спал.

Я села к столу и попробовала читать. Вдруг до моего слуха ясно долетел звук топора, этот звук мне все сказал. Вскочила на окно и увидела солдат, полицейских. Тюрьма встрепенулась, ожила, заговорила. Началось прощание с товарищами. Али что то много и оживленно бодрым голосом говорил на своем родном языке тсварищу татарину. Мой сосед проснулся, подошел к волчку и сразу узнал в чем дело. Мне показалось, что он упал. Но скоро он опять подошел к волчку, даже ~~рассказал~~ мне сон — видел, что ему удалось бежать из тюрьмы.

Нет тех слов, чтобы можно выразить то, что ~~тогда~~ переживал каждый из нас. Каждая минута казалась вечностью. Василий еще мог говорить. Слышу, он говорит:

— Что долго не идут? Наверно веревку потеряли.

Наконец, защелкали замки, замелькали тени мимо ~~моего~~ волчка. Из всех камер понеслись проклятья палачам и ~~прощальные~~ приветствия товарищам. Я видела, как их провели к ~~месту~~ казни мимо наших окон. Али все время что то кричал, но я не

всеобщим гамом могла разобрать только некоторые его фразы: „Я смерти не боюсь, посылайте новых борцов на нашу смену, смерть палачам!“

Все заключенные были на окнах, проклинали палачей, прощались с товарищами. Начальство скомандовало: „Слезь с окон“.

Выстроили солдат против наших окон. Я на минуту сошла с окна, но потом опять влезла. Меня неудержимо тянуло к решетке. Злоба клокотала в груди, рыдания славливали горло, но наружно я была спокойна и могла наблюдать за всем, что творилась на дворе. Ночь была весенняя, теплая. Природа пробуждалась к жизни. Скоро раздались обычные последние слова казнимых: „Да здравствует свобода! Смерть палачам! Прощайте товарищи!“

И еще я услышала голос Али: „Палач Соловьев“ (фамилия старшего надзирателя).

После мы узнали, что Али, когда подошел к виселице, толкнул палача и сам хотел надеть петлк, но надзиратель Соловьев помешал ему и заменил собой палача. Я вцепилась в решетку и все время стояла, как прикованная. Видела, как пронесли носилки, и все таки не могла сойти с окна, хотя и знала, что все кончено. Каков же был мой ужас, когда через некоторое время я услышала новый крик: „Прощайте, товарищи!“

Тюрьма ответила тем же. Немного погодя, пронесли еще носилки. Оказалось, что сначала казнили только двоих, а другие двое в это время сидели в карцере, недалеко от места казни, и ждали своей очереди...

Скоро меня перевели в Чистопольскую тюрьму („Смертники в тюрьме“, „Каторга и ссылка“, 1923 г., № 6, стр. 117—127).

„Помню, раз рядом со мной стоял молодой рабочий. Он держал руки опущенными вниз чтобы мать и сестра, пришедшие к нему на свидание, не заметили его ручных кандалов. Лицо его было спокойно и даже улыбалось слабой, болезненной улыбкой, но голос вздрагивал и прерывался. А за 1—2 аршина от него, прижавшись к железной сетке, рыдали две женщины—седая, бедно одетая старушка и молодая девушка. Они не могли говорить и только повторяли одно дорогое им имя:

— Андрюша... Андрюша...

А смертник, бледный, но спокойный, болезненно улыбаясь и скрывая от их взглядов скованные руки, говорил:

— Ну, прощайте, дорогие! Живите счастливо, живите... Я не боюсь. Раз вышло так, ничего уж не поделаешь... Ну, не плачьте. Будет! Живите... Живи, сестра! Спасибо, что пришли известить в последний раз... Будьте счастливы. Хорошо живите.

И вдруг мать его закричала:

— Андрюша... Ведь не последний раз. Свидимся еще.

И сестра тоже говорила:

— Ведь не скоро еще... может быть заменят... Андрюша подумай.

Смертник вздрогнул и нахмурился, но снова овладел собой.

— Не заменят! Я знаю. О том и говорить не стоит. А про последний раз я так себе сказал. Может быть и не скоро. А лучше всегда быть готовым. Ну, не плачьте. Я всегда спокоен. Кончится все так скоро, так просто... Это только с стороны страшно.

— Андрюша... Андрюша...

Рыдали обе женщины.

Надзиратель приоткрыл дверь в каморку свиданий:

— Кончай свидание!

Смертник заторопился.

— Ну, прощайте милые... Спасибо, что пришли... живете... — И он твердыми шагами двинулся к выходу. Но снова остановился и, почти не глядя на мать и сестру, глухо сказал:

— Ведь в последний раз сегодня...

Я не видел лиц пришедших к нему на свидание женщин, не слышал, что отвечали они ему...

Когда мы шли через двор, я заметил слезы на глазах у смертника. Болезненно улыбаясь, он сказал мне:

— Меня этим вечером возьмут... Сегодня моя очередь и Кирилла... У нас знают. А им я не мог сказать... Хотел подготовить, да не мог... Не поймут они!" (Вл. Войтинский. „Вне жизни“. Очерки тюрьмы и каторги, СПб, 1914 г., стр. 71).

В январе 1906 г., к екатеринославской тюрьме подошла мать смертника и стала просить прощального свидания со своим сыном. „Вместо разрешения из тюрной конторы ей вынесли клочок волос, — все, что ей осталось от сына. Перед виселицей сын попросил ножниц, отрезал прядь волос и передал их для матери. Последняя воля его была добросовестно исполнена" (Короленко. „Бытовое явление“).

„Когда родители приходят на свидание, — говорится в одном из писем, — то хочется все, все им передать. Но этого никак не могу сделать: ничего не выходит. Вот сейчас чувствую, что много наговорил бы им ласкательного, хорошего, успокоил бы их, но в конторе этого сделать не могу, потому что там рядом со мной стоят люди, противные мне. При них я не могу выговаривать ни одного ласкового слова. Я чувствую, что надо сказать что-нибудь ласковое, хорошее, но язык не повинуется. Когда идешь на свидание, то думаешь сказать то, другое, но когда придешь, то как будто все позабудешь. Все из головы уйдет. Смотришь только на них и слушаешь, что они говорят, а сам ни слова".

„Жду приезда своих, — говорил другой приговоренный, — они прислали мне десять рублей, но я отдал их жене. Вот человек, слепо преданный и любящий! Мне положительно стыдно перед ней. Но сказать ей, втолковать, поднять до себя у меня нет возможности. А так тяжело! Говорим мы на разных языках“.

„Я напишу вам, — так начинается одно письмо, — но предупреждаю, что я человек малограмотный, неразвитый и малоначитанный. Я чувствую себя очень хорошо¹. Смерть для меня ничто. Я знал, что это рано или поздно, но должно быть. Я был уверен на воле, что меня повесят или застрелят где нибудь на деле. Так вот, товарищи, может ли мне казаться страшной смерть? Да, конечно, ничуть. Я не знаю, как другие, но до суда и после суда я был в одном настроении. Только обидно, со мной приговорили одного невинного. Я в суде не утерпел и крикнул судьям... За это мне попало от „сознательного“ конвоя“.

Еще через некоторое время тот же автор писал:

„Вы спрашиваете, как я провожу время. Определить трудно. Я сам себя не могу учесть в этом случае. Одно могу сказать, что душевно я спокоен. Очень даже спокоен. Наружный вид, можно сказать, веселый. С утра до ночи смеемся, разговариваем, рассказываем различные анекдоты, конечно юмористические. Конечно, вопрос о жизни приходит иногда в голову. Задумаешься на несколько минут и стараешься забыть все, потому что все уже кончено для меня на сей земле. А раз кончено, то такие мысли стараешься отогнать и не поднимать в своей голове. Я вижу, что времени для жизни осталось очень мало, и в такие короткие минуты ничего не могу разрешить. Чем понапрасну ломать голову, лучше все это забыть и последнее время проводить веселее. Я сам себя не могу определить: я как будто ненормальный. Иногда хочется отравиться. Отравиться тогда, когда мне это захочется. Уже очень не хочется идти помирать на задний двор, да еще в сырую погоду, в дождик. Пока дойдешь, всего измочит. А мокрому и висеть не особенно удобно. Да еще и то: берут ночью. Только разоспишься, а тут будят, тревожат... Лучше бы отравиться“.

„Спать ложимся мы в три часа ночи, — пишет один приговоренный, — это постоянно. Р. научил нас играть в преферанс, и мы до того им увлеклись, что играем как будто бы за интерес. Увлеклись сильно. Тут есть и сожаления от проигрыша и маленькие радости от выигрыша. Упадка духа ни в ком как будто и не замечается. Если посмотреть со стороны и не знать, что мы приговорены к смерти, то можно счесть нас просто за людей, отбывающих наказание. Если же наблюдать нас, зная, что нас ждет смерть, то вероятно можно подумать, что мы ненормальны. Действительно, и самому приходится удивляться

¹ Разрядка в цит. письмах — В. Короленко. *Ред.*

тому, что мы так хладнокровны. По одной фразе вашей я заметил, что предполагается у нас тяжелое настроение духа.

Представьте себе, что нет. Даже напротив, бывает неестественно веселое настроение. Что смех, шутки, песни и рассказы не сходят у нас с уст. О том, что ждет нас, буквально забываешь. Это, по моему мнению, происходит от того, что сидишь не один... Чуть кто пригорюнится, так другой старается, может быть ненамеренно, оторвать его от тяжелых мыслей и вовлечь в разговор или во что-нибудь другое. Находят минуты какой-то беспричинной злобы, хочется кому-нибудь сделать зло, какую-нибудь пакость. Насколько я наблюдал, если такому человеку поволноваться и вылить свою злобу в руготню, то он понемногу успокоится. На некоторых в такие моменты действует пение. Затяни что-нибудь — он поддержит.

В такие минуты из наглухо закрытых башен несутся звуки песен, и стража во дворе начинает тревожиться, стучать ружьями и кричать: „Башня, тебе говорят, замолчи!“ Но заставить замолкнуть такую песню, конечно, не легко“...

„Теперешнее мое состояние удовлетворительно, — читаем мы еще в одном письме, „из башни“, только в голове какой-то хаос. Хотелось бы на день, на два остаться самим собою: но это невозможно. Жаль погибающую молодость. К тому, что скоро придется умирать, отношусь не то чтобы хладнокровно, но все таки эта мысль не смущает меня: я не вдумываюсь в нее. Чем объяснить это — я не знаю!“

„Жизнь приходится считать минутами, она коротка, — пишет один из приговоренных, повидимому проводящий последние дни в одиночестве. — Сейчас пишу эту записку и боюсь, что вот вот растворятся двери и я ее не dokonчу. Как скверно я чувствую себя в этой зловещей тишине! Чуть слышный шорох заставляет тревожно биться мое сердце... Скрипнет дверь... Но это внизу. И я снова начинаю писать. В коридоре послышались шаги, и я бегу к дверям. Нет, снова напрасная тревога: это шаги надзирателя.

Страшная мертвая тишина давит меня. Мне душно. Моя голова налита, как свинцом, и бессильно падает на подушку. А записку все таки окончить надо. О чем я хотел писать тебе? Да, о жизни! Неправда ли, смешно говорить о ней, когда тут, рядом с тобой, смерть. Да, она недалеко от меня. Я чувствую на себе ее холодное дыхание, ее страшный призрак неотступно стоит в моих глазах... Встанешь утром и, как ребенок, радуешься тому, что ты еще жив, что еще целый день предстоит наслаждаться жизнью. Но за то ночь! Сколько она приносит мучений, — трудно передать... Ну, пора кончать; около двух часов ночи. Можно заснуть и быть спокойным: за мной уже сегодня не придут“.

„Я давно не писал вам, все фантазировал, но ничего не мог сообразить своим больным мозгом. Я в настоящее время

нахожусь в полном неведении, и это мучает меня. Я приговорен вот уже два месяца, и вот все не вешают. Зачем берегут меня? Может быть издеваются надо мной? Может быть хотят чтобы я мучился каждую ночь в ожидании смерти? Да, товарищ, я не нахожу слов, я не в силах передать на бумаге, как я мучюсь ночами! Чтонибудь—скорее бы!" (В. Короленко. „Бытовое явление“).

„В настоящее время, когда все города, да и вся необъятная Россия покрыта виселицами, к ним все привыкли. И люди читают о повешениях без содрогания и кошмарного ужаса. Но такое возмутительное спокойствие обнаруживают лишь те, кто слышит о них мельком и не видел их вблизи. Несомненно, человек, видящий, как на его собственном дворе, или под его окном воздвигается виселица для его единомышленников, преисполнится совсем иных чувств. Я убежден, что даже „благочестивый“ Илиодор, призывающий, со свойственной всем монахам жестокостью, смерть на голову „бунтовщиков“, не вынес бы вида человека, который подергивается в петле. Случалось, что и простые солдаты не выдерживали этого зрелища". (М. В. Новорусский: „Записки шлисельбуржца“, стр. 209, 1906 г.).

ПРОТЕСТЫ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПРОТИВ МАССОВЫХ КАЗНЕЙ

Разгул черной реакции не оставался вне поля зрения широких рабочих масс и либеральной интеллигенции России и заграницей. Дикий произвол царизма вызывал возмущение всех слоев общества (кроме черной сотни), вылившееся в протестные демонстрации, восстания на улицах, площадях, на страницах прессы и в государственной думе.

Июньское восстание матросов в Либаве в 1905 г. (почти одновременно с восстанием „Потемкина“), окончилось разгромом восставших, осуждением 56 матросов к различным наказаниям, в том числе—8 человек к смертной казни. Всколыхнулась либавская пролетарская общественность: забастовали рабочие либавского порта, фабрик и заводов, требуя отмены казни матросов. 4 июля 1905 г. либавский комитет российской соц.-демократической рабочей партии выпустил по этому поводу следующий специальный листок:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи матросы! Недавно мужественно восстали мы против своего действительного начальства. Долго и покорно терпели мы его бесчеловечное издевательство, грубый произвол, беззастенчивое воровство из нашей и так уж жалкой доли содержания. Долго смирялись мы с гнилым мясом и совершенно испорченным провиантом. Но переполнилась чаша нашего непомерного терпения, нашей ослиной выносливости и мы восстали гордо и смело... Затрепетало наше башибузуцкое начальство и забегало, закружилось в диком испуге. Жалкие трусы и презренные пресмыкающиеся те из нас, которые бесстыдно, бессовестно выдали на убой своих братьев, своих товарищей (сухопутные войска). Какими глазами вы, жалкие трусы, будете смотреть на выданных вами товарищей — борцов, когда их невинная святая кровь будет проливаться на преступной казни — за вас, понимаете, за вас. Неужели зверское начальство высосало из вашей груди последнюю капельку совести, чувство справедливости? Вечный позор и общее презрение будет спутниками вашими и „предатель“ будет висеть над головой вашей, как страшный призрак. Только кровью своей вы можете очистить себя.

Товарищи! В ком не погасло еще светлое чувство товарищества и братства, в ком живо еще высокое чувство справедливости и сострадания к братьям своему, те все, как один, единодушно восстанем и не дадим зверски казнить своих героев-товарищей и пролить их чистую кровь. Так пускай же лется и наша кровь, ведь за наше общее дело страдают они. Но, товарищи, если мы будем единодушны и, как грозная стена, будем стоять один за всех и все — одного, то гнусная шайка кровопийц наших не осмелится нас трогать своей преступной рукой. Если мы позорно дадим казнить своих лучших товарищей, то презренное начальство нас снова будет притеснять во всем и кормить куду негодной пищей, ибо оно видит, что мы боимся его. Но оно должно

бояться, уважать и видеть в нас человека, а не животного. Итак, товарищи не забудем же святого долга человечества к своим невинным товарищам и ни за что не дадим их гнусно казнить — за то, что требовали они справедливости, только справедливости. Поэтому, товарищи, последуем примеру героев — эсеситов (потемкинцев), и в случае казни товарищей, первыми пулями поразим наше преступное начальство.

Долой преступное начальство! Долой бесчеловечную дисциплину! Долой самодержавие! Да здравствует справедливое и свободное народное правление!..

Листок широко был распространен по всей Либаве и будил общественное мнение к протесту против готовящейся казни. Власти встревожились: требовали подкрепления дружинами, казаками, пехотой. И несмотря на реальные приготовления к приведению в исполнение смертного приговора со стороны коменданта либавской крепости генерала Белявского и командира порта контр-адмирала Ирецкого, — протест пролетарской общественности возымел свое действие и всем приговоренным к смерти матросам казнь была заменена каторжными работами от 10 до 20 лет.

Начавшееся 26 октября 1905 г. героическое восстание кронштадтских моряков и подавленное с невероятной жестокостью 28 октября 1905 г. поставило под угрозой расстрела свыше 200 матросов, участников восстания. Факт применения военно-полевого суда над матросами вызвал волну протестов рабочих фабрик и заводов Петербурга, Москвы и др. центров.

2 ноября 1905 г. петербургский совет рабочих депутатов объявил всеобщую политическую забастовку протеста. Бастовали железные дороги (Москвы и Петербурга), трамваи, фабрики и заводы. Воззвание, выпущенное петербургским советом рабочих депутатов, гласило:

„Царское правительство продолжает шагать по трупам, оно предаст полному суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Совет рабочих депутатов призывает революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредством общих митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными солдатами Кронштадта... Завтра 2 ноября (1905), в 12 ч. дня рабочие Петербурга прекращают работу с лозунгами! Долой полевые суды! Долой смертную казнь!..“

Яркий протест рабочих масс против угрозы расстрела матросов возымел свое действие и участники кронштадтского октябрьского (1905 г.) восстания не были преданы военно-полевному суду, а судимы обыкновенным военно-морским судом с осуждением „виновных“ к разным срокам в каторгу и не было ни одной смертной казни. Единодушная ноябрьская (1905 г.) забастовка протеста рабочих спасла жизнь кронштадтским матросам. Связь между рабочими массами и матросами закрепились и повлияла на больший размах второго кронштадтского восстания в июле 1906 г.

Петербургская грандиозная забастовка и демонстрация в ноябре 1906 года носила характер протеста против массовых казней, против военно-полевых судов.

Правительство на эти протесты ответило еще большими репрессиями. Но вот открылась I государственная дума.

Первые дни ее существования (апрель 1906 г.) не были омрачены кровавыми призраками. Первым в думу пришло известие, что в Риге осуждено к казни 8 рабочих. Дума пыталась повлиять на министра юстиции Щегловитова, надеясь спасти

Генерал Павлов

Главный военный прокурор

жизнь этим 8 рабочим. Уже через несколько дней было получено сообщение, что рабочие Риги казнены, а интерpellация думы не оказала никакого влияния. В тот же день состоялось экстренное совещание демократических фракций думы, пришедшее к выводу, что надо дать бой министерству.

Между тем вести о новых казнях приходили все чаще и чаще. 25 мая 1906 г. главный военный прокурор Павлов пришел дать ответ думе на третий ее запроса.

Высокого роста, худой, с коротко остриженной седой головой и седыми усами, Павлов давал ответ спокойным и тихим голосом.

„Первый запрос, — начал он, — касается Прибалтийского края. Это то дело, когда мятежники напали на чинов полиции и расстреляли их. Другой запрос касается Риги, третий — Севастополя. Запросы однородны по своему содержанию. В них предлагают министерству ответить: принимает ли оно меры к тому, чтобы смертные приговоры не утверждались и утвержденные не приводились в исполнение. По предложению председателя совета министров и по приказанию военного министра, я уполномочен заявить: смертные приговоры будут постановляться и тех пор, пока существуют законы, определяющие смертную казнь, не переступая которых военные чины не могут ее назначать“.

По окончании речи Павлова в зале царил мертвый тишина. И вдруг, накопившаяся энергия протеста разрядилась и раздался пронзительный крик: „палач!“ Крик протеста был немедленно подхвачен почти всей думой и крики: „палач, убийца“ долго не прекращались. На этом заседание окончилось.

15 июня 1906 г. дума приняла законопроект об отмене смертной казни. Законопроект состоял из двух статей:

„Статья 1-я. Смертная казнь отменяется.

Статья 2-я. Во всех случаях, в которых действующими законами установлена смертная казнь, она заменяется непосредственно следующим по тяжести наказанием“.

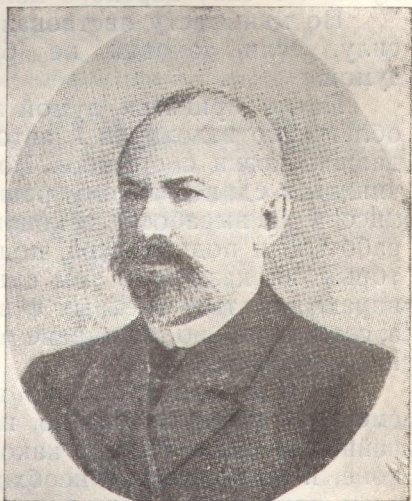
Дума приняла этот закон без прений и единогласно.

Вслед за принятием этого законопроекта 19 июня 1906 г. в думу снова явились министры для дачи „пояснения“. „Пояснения“ давал министр юстиции Щегловитов:

„Видите ли, господа, — начал министр, — у нас развелись социалистические учения, а развитие социализма привело к анархизму и замене положительных идеалов одним общим, разрушительным идеалом. Анархизм угрожает всему человечеству и наиболее чуткие законодательства считают необходимым с ним бороться. Надо считаться с переживаемыми нами условиями, уносящими в могилу добросовестных исполнителей служебного долга. Отменить теперь смертную казнь — это все равно, что не защищать власть...“

Раздались протесты: „Довольно! Вон его! Вон, чтобы мы его больше не видели! Вон!..“

Но Щегловитов, не смущаясь, продолжал говорить под общий шум и стук: „Отмена смертной казни является несвоевременной,

Вешатель Щегловитов¹

главным образом за политические преступления, а за уголовные преступления смертная казнь применяться не должна и с этим можно еще согласиться...“ Снова поднялась буря негодования, и под общий свист и улюлюкание Щегловитов покидает трибуну.

Вслед за Щегловитовым делает попытку подняться на трибуну главный военный прокурор Павлов. Возобновился сильный шум в зале, и Павлов остановился в нерешительности. Со всех сторон неслось:

„Вон, палач, убийца, долой...“

„Разбойник, кровопийца“, — кричали крестьянские депутаты.

Шум перешел в сплошные, почти истерические крики и вопли. Левые депутаты стучали кулаками, ногами, не давали говорить Павлову. Кривая улыбка перекосила его лицо и на кафедру он не поднялся.

¹ Министр юстиции и виновник массовых казней 1906—1912 гг. Вешательскую карьеру свою он начал в 1887 г. в бытность прокурором на суде Александра Ульянова и др. (обвинявшихся в покушении на жизнь царя третьего Александра), требуя для всех обвиняемых смертную казнь. 8 мая 1887 г. А. Ульянов (брат Ленина) и др. были повешены в присутствии Щегловитова. В 1908 г. Лидия Стуре и др. покушались на его жизнь. Она казнена. Февральская революция застала Щегловитова на посту председателя государственного совета и в дни октябрьской революции Щегловитов расстрелян.

Председатель думы, Муромцев, будучи не в состоянии успокоить депутатов думы, закрыл заседание и покинул зал.

Почему члены думы действовали так решительно, позор перед лицом всего мира двух министров царя? Потому, что огромное большинство членов думы наивно верило еще в силу думы и в силу царского манифеста 17 октября 1905 г.

По манифесту явствовало, что ни один закон не мог иметь силу, если таковой не будет утвержден государственной думой.

После принятия думой закона об отмене смертной казни облегченно вздохнули и авторы проекта и население, и отдавшие казни смертники. Но правительство и не думало подчиниться единогласному решению думы. Наряду с работой комиссии по выработке законопроекта об отмене смертной казни работала и подкомиссия, под председательством Матюнина, который высказался в том смысле, что государственная дума не вправе касаться военных и военноморских уголовных законов, а, следовательно, не вправе и исключать смертную казнь из военного кодекса.

В нормальной жизни, по мнению Матюнина, применение смертной казни не опасно, и сохранение ее в случаях чрезвычайных в таком виде, в каком она поставлена в уголовном законе, и желательно и необходимо. Для того же, чтобы уничтожить злоупотребления смертной казнью, надо уничтожить чрезмерное распространение исключительных положений. Поэтому, высказавшись за отклонение законопроекта об отмене смертной казни, он предлагал в особой формуле перехода выразить пожелание о снятии усиленной чрезвычайной охраны в тех местностях, где революционное движение улеглось.

Матюнинский проект провалился в думе, а думский проект был похоронен Столыпиным. Утвержденный думой 15 июня 1906 г. законопроект об отмене смертной казни был передан в государственный совет, где он рассматривался с конца июня до 9 июля 1906 г., 9 июля думу распустили. „Народное представительство“ было разогнано, а следовательно, и детище его — проект об отмене казней — умерло.

Черносотенцы всех мастей, узнав о принятом думой законопроекте об отмене казней, зашевелились, послали петиции, телеграммы, ходатайства на имя царя о недопущении амнистии и отмены казней.

Особо рьяно действовали в этом направлении тульские черносотенцы, именовавшиеся „партией за царя и порядок“, одесские союзники и другие. Черносотенцы города Рузы послали царю следующую телеграмму:

„Союз русского народа в городе Рузе умоляет тебя, государь, о сохранении смертной казни, неприменение которой, а также применение амнистии поведут по крайнему нашему разумению к ожесточению и самосуду крамольниками“.

Такого же содержания телеграммы были посланы царю и от других отделов союза черной сотни.

Перед обсуждением проекта отмены смертной казни в государственном совете некоторые его члены получили угрожающие письма с печатью, изображающей череп и две сложенных накрест кости:

„Вы добиваетесь отмены смертной казни для того, чтобы дать революционерам совершать безнаказанно государственные преступления. Мы не можем допустить, чтобы банда сановных крамольников тиранила мирное население, заливая Россию кровью ее верных сынов.

Знайте, что как только ваше стремление исполнится и смертная казнь будет отменена, мы первые воспользуемся тотчас же данной вами свободой для того, чтобы безнаказанно свести счеты с такими радетьями родины, как вы. Если у законной власти отнимется сила, мы будем вынуждены взять ее себе. Палка о двух концах. Если вы дадите возможность терроризировать население, нам останется для спасения родины ответить террором, первыми жертвами которого падете вы. Закон пройдет — готовьтесь к мести“.

На с'езде землевладельцев в 1907 г. в Москве, некий дворянин в своей речи указывал, что военное положение не достигает цели, если дворяне не могут самостоятельно вешать всех и всякого, даже за тушение фонаря на улице...

Правительство развязало себе руки, казни увеличивались. Собрав вторую думу, правительство еще больше ошиблось в своих расчетах. Депутаты снова заговорили об амнистии, о смертной казни, о полевых судах, об инквизиции.

2 дума начала с вопроса об отмене военно-полевых судов (20 февраля 1907 г.).

Законопроект поступил в думу 9 марта, обсуждался 12-13 марта и был передан в комиссию. 17 апреля 1907 г. был принят думой и передан в государственный совет, где вопрос обсуждался 2 мая и был отклонен.

Проект об отмене смертной казни (точная редакция проекта 1 думы) внесен в думу 19 марта 1907 г. за подписью 40 членов думы и 22 марта за подписью 59 членов думы.

Одновременно с подачей с.-д. фракцией думы законопроекта о немедленной отмене массовых смертных казней, эта же фракция, за подписью 42 членов думы, сделала 13 апреля 1907 г. запрос правительству о кровавой расправе с рабочими и крестьянами Прибалтийского края.

Запрос социал-демократической фракции 2 государственной думы по поводу массовых казней и экзекуций в Прибалтийском крае

1. Известны ли правительству факты систематических убийств без суда и следствия, поджогов, грабежей, истязаний и других незаконных действий, чинимых над населением Прибалтийского края?

2. Какие меры правительством приняты на предмет прекращения произвола и насилия местных военных и гражданских властей края, а равно привлечены ли к суду виновные в этом должностные лица?

3. Какие меры им приняты для возмещения убытков, повнесенных населением от упомянутых действий?

Запрос подписали члены государственной думы:

1. Иван Озоль	12. Ив. Мушенко	23. И. Петров	34. Тимошин
2. Алексинский	13. Е. Сорокин	24. И. Кириенко	35. Баташев
3. Мандельберг	14. П. Шипин	25. Юрине	36. Марев
4. Аникин	15. А. Лосяк	26. Юргенштейн	37. Миртов
5. Измайлов	16. Т. Алакозов	27. К. Парте	38. Белановский
6. А. Демьянов	17. Кумялис	28. Э. Трейман	39. А. Калинин
7. Ин. Юдин	18. А. Купстас	29. М. К. Попов	40. Н. Кацашвили
8. М. Муртен	19. Приходько	30. М. Немельцев	41. Е. Петров
9. А. Булат	20. Лопаткин	31. С. Нечитайло	42. Зубарев
10. В. Архангельский	21. Вахрушев	32. П. Свигирь	
11. А. Кимряков	22. И. Романов	33. В. Толмачевский	

В ответ на запрос с.-д. фракции государственной думы министр юстиции Щегловитов и министр внутренних дел Макаров 17 мая 1907 г. выступали перед членами думы с разъяснениями по существу затронутого вопроса. Министр юстиции, между прочим, заявил: „рижская прокуратура в местности, об'ятой революционным террором, среди всеобщего смутения и тревоги мужественно и стойко исполняла тяжелый и ответственный долг, а поэтому я позволю себе с особенной настойчивостью протестовать против всех сведений о прокуратуре“.

Тов. министра внутренних дел Макаров заявил: „Полиция пришлось работать в тяжелых условиях и поэтому, естественно, что она могла в некоторых случаях лишиться того хладнокровия, которое быть может от нее требовалось для того, чтобы действия ее были вполне закономерными“.

После „раз'яснения“ министров, с большой речью выступил депутат думы от с.-д. фракции Озоль.

Из речи депутата думы И. Озоля

„Граждане депутаты! Я хотел быть кратким, но в виду того, что представитель министерства внутренних дел свел вопрос об истязаниях в арестном помещении Прибалтийского края на обшую тему, я должен буду в конце своей речи коснуться и ее. Но сначала я отвечу по существу на каждый отдельный вопрос.“

Министр юстиции заявил, что прокуратура не знала ничего и вообще жандармское управление, которое совместно с ней действовало, не утверждало никаких таких комиссий, которым поручало бы ведение следствия. Я в прошлый раз имел честь доложить вам жалобу Эглита, который обращался не один раз к той же самой прокуратуре и ему отказывали и точно так же жаловался и на полицейские власти, просил о выдаче ему медицинского свидетельства, и ему было отказано. Теперь я вынужден вернуться к тому же. У меня есть другие факты — громкое дело 36-ти. В их числе Липман Рубинштейн был допрошен в участие при следующих обстоятельствах: как только он вошел, его начали бить. Утром к нему вошел пристав и заявил, что, если он не подтвердит всего того, что было в протоколе допроса, и не подпишет протокола, то его убьют. 26 в 2 часа

ния его вызывает в карцер пристав Мейер и в присутствии офицера повторяет тоже самое заявление.

Сейчас же после этого его ведут на допрос, где сам товарищ прокурора Бусло приказывает ему подтвердить и подписать уже готовый протокол, хотя он его и не читал, и угрожает, что в противном случае его повесят.

Другой избитый в участке скончался там же от ран.

Сообщали, что Антон Наркевич, при „попытке бежать“ был убит, потом сообщали, что он пытался бежать, но был пойман и повешен. Последние сведения говорят о том, что он в одиночке повесился. Сведения, сообщенные министром юстиции относительно Эммы Достер, односторонни. Даже немецкие газеты сообщали, что она только стояла у окна, т. е. перед окном, — я знаю эти камеры, тоже сидел несколько дней в этой центральной тюрьме, — там человека, если он стоит перед окном, всегда можно видеть.

Министр Макаров¹

Что касается того, что арестанты будто бы пытались бежать, то нас поражают следующие обстоятельства. Старались столкнуть надирателя Соколовского Кипс, Швех, при чем Эдвард Кипс бил его. В числе расстрелянных оказываются: Бобсберг, Блау, Лаблайк, Кирш, Репуль и др., при чем все раны застрелянных следующие: у Бобсберга имеется штыковая рана через голову, через левый висок, вышедшая через правое ухо, кроме того колотая рана через другое ухо, огнестрельная рана под мышкой и штыковая рана в спину. У него же выломана левая рука. У Кирша — проколото левое плечо, сломан правый локоть. У Мурмана штыковая рана в спину. У Лаблайка проколота голень, переломано левое бедро, рана была заполнена стружками и ватой, и в таком положении он был найден в виде трупа его родственниками. У Блау штыковая рана в спину через грудь.

Я узнал, что местному тюремному инспектору заключенные жаловались, например, на то, что их часто обыскивали, при этом снимали даже ботинки. Когда они делали заявление тю-

¹ 24 сентября 1911 г. назначен министр. внутр. дел (вместо убитого Столыпина).

В ответ на запрос соц.-дем. фракции гос. думы о ленинских расстрелах в апреле 1912 г. Макаров заявил: „Так было, так будет“.

ремному инспектору, он ответил: „Да этого мало, вас нужно раздевать и обыскивать еще чаще, потому что вы можете на прогулках проносить записки. Все, что делает тюремное начальство, это делается по распоряжению свыше; тюремное начальство ни за что не отвечает. Я это вам, как инспектор, заявляю“.

Далее, что касается того заявления товарища министра внутренних дел, что будто бы нет следов на этих самых истязуемых, что это заявление совершенно не соответствует действительности, то да будет мне позволено сослаться на один факт, которого я не приводил в запросе, но о котором я получил несколько жалоб и писем, а также и сестра потерпевшего заходила на днях ко мне. Это факт, касающийся потерпевшего крестьянина Курситенской волости, Курляндской губернии, Газенпотского уезда, Мезиса, который был арестован первый раз 14 марта 1906 г. и потом был выпущен 4 мая, а 13 августа 1906 г. был снова арестован в усадьбе Кирменек уездным начальником Брендрихом и его помощниками Адольфи и Вольфманом.

Его истязали тут же при аресте, затем истязали в Гроссэзерской волости, в усадьбе Даубуры, потом его истязали в Пампале, затем истязали недалеко от Муравьева на станции Луны и его истязали всевозможными способами. Я не буду этого касаться, укажу только на тот факт, что наконец врачебная помощь была ему оказана только в либавской больнице. Вследствие избиения половых органов его должны были оскопить.

Вот, в виду всех этих истязаний крестьян и немудрено, что в 1905 г. вспыхнула такая забастовочная волна, волна демонстраций, которая выразилась в том, что крестьяне потребовали от своих местных властей самоуправления, чтобы они установили какой либо порядок, чтобы мирное течение жизни не могло быть ничем нарушено...

Обвинять рабочие организации в тех фактах, которые суд даже не установил, я нахожу совершенно неправильным. Точно также неправильны ссылки на „лесных братьев“, которые будто бы производят покушения и с которыми приходится считаться и бороться там полиции. Эти „лесные братья“, по моему глубокому убеждению, являются порождением системы карательных отрядов. Ввиду того, что весь край объявлен на военном положении, в виду того, что карательные отряды действовали всюду в деревнях, они сделали массу лиц нелегальными и не разрешают этим лицам появляться, таковым является, например, Мезис, который один раз был освобожден, потом был взят во второй раз и которого истязали. Скажите, кому охота лезть в когти полиции?

Если бы вы стали считать все жертвы, все убытки, нанесенные полицией населению, то вы здесь насчитаете гораздо больше нежели те 1114 лиц, которые были здесь указаны министром внутренних дел и министром юстиции.

Одними карательными отрядами убито свыше 1200 человек, из них более половины без всякого суда и следствия. Ими сожжено много усадеб, я насчитал 318 усадеб. Об очень многих из них я имею точное описание всех тех условий, при которых производились сжигания...

Многие усадьбы сжигали сами бароны-каратели. Они сжигали свои усадьбы, а потом просили у правительства возмещения убытков. Они получили уже это вознаграждение в сумме свыше 400 тыс. руб. и еще просят...

Нам указывают, что поджоги были вызваны революцией, что в этом виновны социал-демократы и специально весь рабочий класс...

...И после этого говорят, что нет достаточных фактов, что об этом высшее правительство ничего не знает... Правительство в своих действиях является безответственным не только перед народными представителями, но даже безответственным за все те поступки низшей администрации, за которые оно должно было бы отвечать.

В разгар кровавого похода Ренненкампа по Забайкалью, когда не было никакой надежды на смягчение участи многочисленных пленников этого „бравого“ генерала, политический защитник В. Беренштам поместил в газ. „Речь“ следующее воззвание:

„Торопитесь! Ренненкампф вешает! Кто может, помогите! Кричите, поднимите на ноги своих родных, знакомых! Сделайте все! Каким путем? Ищите! Ждать некогда! Скорее, скорее на помощь! А так—нет сил! Закон? Но что теперь закон! Генерал уже залил Восточную Сибирь безответной кровью неповинных людей. Сейчас он строит новые эшафоты. Торопитесь! Каждая минута дорога: петля затягивается быстро!

В Верхнеудинске Ренненкампф повесил мирного, безобидного инженера Медведникова. Кто знает об этом? Кто из вас пережил эту страшную смерть? Письма и телеграммы к нам не доходят! Ка-нен Гольдсobel! Расстрелян Костюшко—этот жизнерадостный, милый юноша. Только за речи... Что ни „процесс“, то смертные казни. Имен убитых даже не знают. Вешают и расстреливают рабочих, телеграфистов, мальчиков, не изведавших жизни, лучшую интеллигенцию! За что? Пусть ответят Ренненкампф и Меллер-Закомельский. Но нет, будем справедливы, Ренненкампф проявил и великодушие. Он помиловал семидесятилетнего старика Кузнецова, известного исследователя Восточной Сибири, основателя читинского музея... Закона нет! Кто может,—помогите! Кто может,—сделайте все, чтобы остановить это безумие“...

Запрос государственной думы по поводу расправы ген. Меллер-Закомельского с ж.-д. рабочими.

„Г-ну председателю государственной думы.

Срочное заявление.

7 января (1906) на ст. Иланской Сибирской ж. д. были арестованы жандармской полицией и препровождены в канскую тюрьму телеграфисты Дудировский, Политов и г-жа Остроумецкая. Обвинения к ним до 29 января предъявлено не было. Означенные лица в конце февраля г-ном судебным следователем 4-го участка красноярского окружного суда были из-под стражи освобождены, а постановлением от 15 марта дело их направлено в порядке 277 ст. устава уголовного судопроизводства на прекращение за отсутствием состава преступления.

12 января 1906 г., через пять дней после ареста вышеозначенных рабочих и мастеровые депо ст. Иланской в числе около 500 ч. прибыли около полудня в г. Канск (30 верст от ст. Иланской), попросили к себе командира Томского полка г-на Борисова и предложили ему стать на страже исполнения высочайшей воли, выраженной в манифесте 17 октября о неприкосновенности личности, и освободить незаконно арестованных 7 января на ст. Иланской.

Полковник Борисов заявил, что затрудняется исполнить просьбу рабочих и предложил запросить об этом г-на командующего войсками ген. Сухотина. Рабочие согласились и тем же порядком, мирно, на поезде прибыли вечером в Иланскую.

Через час после приезда ж.-д. рабочих администрация уведомила, что со стороны Красноярска едет высшее ж.-д. начальство с ген. Меллер-Закомельским для выяснения нужд рабочих Сибирской ж.-д. и что для переговоров нужно выбрать трех депутатов.

Рабочие в числе 1 тысячи чел. (тут были и жены и дети их) собрались в деповское здание и, избравши трех депутатов во главе с машинистом г-ном Щербиной, послали их на перрон ждать начальство для переговоров.

Около 10 час. вечера 12 января на ст. Иланскую прибыл отряд Меллера-Закомельского, немедленно разогнал по команде офицера „убрать эту сволочь“ стоявшую на перроне публику и депутатов и с двумя жандармами—проводниками устремился к тому зданию, где собрались рабочие, окружил его цепью, и часть солдат с офицерами вошла в помещение и открыла огонь пачками.

Убитых по сведениям администрации не более 25 (по подсчету рабочих около 50), раненых тяжело свыше 70. Большая половина раненых направлена в красноярскую губернскую больницу.

Арестовано и препровождено в тюрьму в гг. Канск и Красноярск около 150 чел. На другой день утром в полуверсте от станции, за семафором, найдено еще 7 трупов в одном месте.

К арестованным рабочим было предъявлено обвинение жандармской полицией по статье, гласящей „вооруженное сопротивление“, все эти арестованные числились в тюрьме за Меллер-Закомельским, и через три месяца с небольшим их разослали на время военного порождения по разным глухим углам Енисейской губ., где они до сих пор терпят страшную нужду и буквально голодают.

После учиненного массового убийства Меллер-Закомельский со ст. Иланской (150 верст от Иланской) телеграфировал в Петербург, что на ст. Иланской он со стороны рабочих встретил упорное вооруженное сопротивление, что произошел бой, рабочие усмирены и что потерь во вверенной ему части нет.

Мы, нижеподписавшиеся, члены государственной думы, предлагаем запросить г-на военного министра: 1) известны ли ему преступные действия ген. Меллера-Закомельского в том виде, в каком они изложены в настоящем заявлении, 2) и приняты ли меры к привлечению ген. Меллера-Закомельского к судебной ответственности за преступные его действия на ст. Иланской Сибирской жел. дор.

20 июня 1906 г.*

(31 подпись)

22 июня дума перенесла этот вопрос к слушанию на 23 июня, с 23 июня на 26 и в этот день запрос был думой принят, депутаты успокоились и... „переходили к очередным делам“...

Выдержка из статьи газеты № 6 „Забайкальский рабочий“ от 12 февраля 1906 г. по поводу действий карательной экспедиции Меллер-Закомельского

„Горе побежденным!

Настанет время, когда поднимется мускулистая рука рабочего и ярмо деспотизма, огражденного солдатскими штыками, разлетится в прах.

Настанет это время. Сбывается для самодержавия пророчество замученных царскими опричниками рабочего Алексева. Проснулся от векового сна титан-пролетарий, выпрямился во весь свой могучий рост и громким голосом воскликнул: „Д о л о й о к о в ы“...

... Ложь, хитрость, штыки, провокация, нагайки, пулеметы и даже пушки — все, чем был силен старый режим — все это соединилось для борьбы с восстанием. И против всех этих мрачных, страшных сил старого строя пролетариат одинокий, покинутый буржуазией, неподготовленный, невооруженный... Но при таких условиях он сумел показать всю свою силу и мощь. Подавление одного московского восстания продолжалось более двух недель. Пушки Дубасова, направленные против женщин и детей, озлобили обывателей, сделали их революционерами и, разрушив на короткое время движение пролетариата, в корне разрушили последний авторитет самодержавия...

... Засвистели нагайки, зажужжали пули, воздвигнулись эшафоты, тюрьмы и участки наполнились борцами за свободу...

„Горе побежденным.“ — вот тот лозунг, под который встала вся правительственная свора палачей, провокаторов и насильников.

„Горе побежденным“ — воскликнул Дурново, и осиротевшая (временно) Петропавловская крепость снова наполнилась новыми людьми.

„Горе побежденным“ — воскликнул Дубасов, и без всякого суда расстрелялись и вешались рабочие, начальники станций и телеграфисты...

„Горе побежденным“ — воскликнул „севастопольский усмиритель“ ген. Меллер-Закомельский и поехал „умиротворять“ непокорную Сибирь...

Около Уфы опричники Меллера ворвались в поезд возвращающихся на родину и с криком: „мы вам покажем, как бунтовать“ принялись избивать мирных, безоружных людей...

... На ст. Слюдянка меллеровские опричники высекли 6 телеграфистов, — в их числе одну 18-летнюю девушку.

На ст. Мысовая было расстреляно 6 чел., из них 3 телеграфиста, 2 рабочих.

На ст. Хилок было расстреляно 7 человек.

На ст. Петровский завод стреляли и пороли.

Еще ранее на ст. Иланской на митинге рабочих было убито и ранено без всякого предупреждения до 100 человек. Свистели плетки, жужжали пули, и наглый хохот негодяев вторил этому безумию...

Затаив же в груди месть, вооружись, организуйся, пролетариат. За муки и позор твоих товарищей, за стоны и вопли избиваемых, за убитых и замученных твоих братьев по делу ответь своему вековому недругу — самодержавию могучим и страшным оружием — вооруженным всероссийским восстанием.

„Горе побежденным“ — воскликнем мы, когда победоносное восстание сметет все остатки царизма, и тогда народный суд сумеет найти всех залитых кровью побежденного на время народа...

Смертная казнь за границей и в Чите¹

„Иностранные газеты сообщали о нескольких случаях смертной казни во Франции и Англии. В Англии казнили несчастного душевнобольного человека, совершившего убийство в состоянии помешательства, как это видно из подробностей дела. Во Франции были казнены два преступника. Лучшие иностранные газеты возмущаются этим. Но зато „желтая пресса“ — особенно французская — полна „пикантными“ подробностями казни, а номера газеты с описанием этих ужасов раскупались наразхват.

Казнь в Англии совершалась со всем позорным средневековым церемониалом этого ужасного акта, и английское общество, за весьма небольшими исключениями, отнеслось как-то необычайно спокойно, хладнокровно к этому событию.

Во Франции казнь совершена была открыто в Дюнкирхене. Французская газета „Matin“ — тип бульварной, приспособляющейся ко вкусам „публики“ — газеты, дает подробное описание казни с приложением портретов и окровавленных, отрубленных голов казненных.

Газета сообщает, что уже за несколько дней до казни были проданы все окна и разные возвышенные места, прилегающие к месту казни. Места про-

¹ „Даурский вестник“ (бульварно-реакционная газ.) № 49, 7 марта 1906 г. (издавался в г. Даурия, южной части Забайкальской обл.)

давались за дорогую плату и были все раскуплены. В день казни масса народа окружала городскую тюрьму. Все окна были усеяны зрителями. Даже женщины, молодые девушки и дети высовывались из окон, чтобы получить зрелище. Палача приветствовали громкими криками, которых окон доносились веселые песни, хохот. Это развлекло ожидания зрителей. С напряженным вниманием смотрела публика казни и после него разошлась, оживленно обсуждая „интересное зрелище“. Как-то не хочется верить, чтобы все описанное могло произойти в современной Франции. Эта тяжелая сцена переносит нас в мрачные времена средневековья.

2 марта (1906 г.) и у нас в Чите была открыто совершена смертная казнь над четырьмя обывателями¹.

Как же отнеслась к ней публика?

Мы с гордостью отмечаем, что в нравственном отношении русская толпа стоит неизмеримо выше, чем французская и английская. Ни дикого хохота, ни приветствий совершавшим казнь не было, наоборот: слезы, обмороки даже с мужчинами, теми самыми мужчинами, у которых мускул на лице не дрогнул при атаках и убийственном огне японских армий.

Молчаливая, угнетенная толпа стояла за цепью. Лица у всех бледные. Слышны были вздохи. Изредка слышались отрывочные замечания, что казнь — лишняя и ненужная жестокость, не христианское дело.

Раздался звук залпа, толпа загудела, заволновалась. Но это был не дикий восторг французской толпы, а какой-то болезненный ропот сожаления, острое мучительное чувство душевного страдания. Один старик потерял самообладание, снял шапку и глядя в небо нервно закричал: „до сих пор я верил... Я думал, что бог есть. Нет его!“ — и старик зарыдал...

Петербургская группа „союза писателей“ 1 марта 1906 г. опубликовала следующий протест против массовых казней:

„Смертная казнь идет по всей России. Смертная казнь стала повседневным явлением, стала буднем русской жизни. Смертную казнь выносит военный суд с лишением подсудимых права обжалования, она производится без суда по приказу первого попавшегося офицера. Мы дожили, наконец, до того, что смертная казнь назначается за печатное слово, за свободное мнение, высказанное в газетной статье...

Мы обращаемся ко всем, в ком есть правда и совесть, в ком не потушен еще негодование и гнев, мы предлагаем присоединиться к нашему протесту... Довольно смертных казней! Довольно расстрелов и виселиц! Довольно жертв! Пора прекратить эту правительственную бойню“...

Протест пироговского общества врачей:

„Правление пироговского общества врачей берет на себя смелость за всех русских врачей горячо протестовать против смертной казни, этого позорного насилия, противоречащего законам, правление уверено, что все русские медицинские общества и врачебные организации единодушно поддержат правление в этом протесте против позорной казни, косвенными исполнителями которой являются и врачи, обязанные при них присутствовать“.

Протест 2-го съезда отечественных психиатров в Киеве 11 сентября 1905 г.:

„Признавая актом величайшего позора для человечества смертную казнь, 2-й съезд отечественных психиатров выражает свое негодование и протест против применения ее в России“.

¹ Были расстреляны: Григорович, он же Костюшко-Валюженич, Цулукидзе, Вайнштейн и Столяров.

Собрание рабочих и служащих московско-ярославско-архангельской ж. д. в количестве 3000 человек отправили в Петербург следующую телеграмму:

„Получена копия телеграммы Руина о полевом суде в Кушке над железнодорожными служащими в целях смертной казни. Требуем немедленной отмены смертной казни над ними... При неполучении немедленного ответа будем вынуждены забастовать“.

Вешатель. Гершельман

Московское хирургическое общество вынесло следующий протест:

„Истязание, пытки и смертная казнь переполнили русскую землю из конца в конец. Ценность человеческой жизни пала, весь цивилизованный мир содрогнулся перед ужасами, совершающимися в стране, давшей великих ученых и мыслителей. Хирургическое общество в Москве, поставившее на своем знамени изыскание средств охранения драгоценного блага людей—их здоровья и жизни и развитие научной мысли в стране, несовместимое с бесправием и потоками крови, не может оставаться спокойным и безразличным к происходящим ужасам... Довольно крови. Не истязайте братьев и сестер... Конец истязаниям и пыткам. Долой смертную казнь“.

Запрос в думе о вешательской деятельности генерала Гершельмана

30 марта 1907 г., за подписью 38 депутатов государственной думы был сделан следующий запрос:

„28 ноября 1906 г. военно-полевой суд в Москве, рассмотрев дело о братьях Кобловых и братьях Тараканниковых, обвиняемых в нанесении ран городовому, приговорил их к бессрочным каторжным работам. Того же числа московский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Гершельман вопреки закону и специально на сей предмет циркулярного разъяснения председателя совета министров от 12 октября, собственною властью отменил этот приговор военно-полевого суда и предписал иному составу суда вторично судить тех же лиц. Того же числа новый состав суда приговорил подсудимых к повешению, каковой приговор и был приведен в исполнение. На основании изложенного, предлагаем государственной думе сделать председателю совета министров запрос:

1. Известен ли ему описанный выше факт.
2. Намерен ли председатель совета министров принять меры к привлечению виновных к законной ответственности за превышение власти“.

И ровно через месяц, 30 апреля 1907 г., государственная дума приняла по этому поводу, после длительных дебатов, следующую резолюцию:

„Принимая во внимание: 1) что из объяснений военного министра по запросу государственной думы по поводу действий генерал-губернатора Гершельмана явствует, что генерал-губернатор отменил приговор военно-полевого суда по делу братьев Кобловых и Тараканниковых в виду формальных его недостатков, по мнению генерал-губернатора, препятствовавших приговору вступить в законную силу, 2) что закон о военно-полевых судах не только не разрешает гене-

рал-губернатору проверять формальную неправильность приговора, но категорически воспрещает его пересмотр и всякое обжалование, 3) что, таким образом, совершенно установлена незакономерность действий генерал-губернатора Гершельмана, имевшая своим последствием казнь четырех лиц и требующая рассмотрения его действий подлежащим судом, которое никоим образом не может быть заменено представленными г. г. министрами оправданиями, государственная дума переходит к очередным делам".

Гершельман приказывал вешать и на далее, а депутаты думы... „переходили к очередным делам“...

3 июня 1907 г. 2 государственная дума была разогнана, депутаты социал-демократы были арестованы и осуждены. Законопроект об отмене смертной казни и запрос о прибалтийских казнях и экзекуциях были сданы в архив.

Предложение об отмене смертной казни было внесено с.д. фракцией в 3 думу. В первую сессию 19 июня 1908 г. по решению большинства его передали в комиссию судебных реформ. Комиссия продержала этот законопроект около двух лет и лишь в мае 1910 г. внесла его в думу. Все попытки левой части думы продвинуть его вперед встречали сопротивление со стороны реакционного большинства, и 12 ноября 1910 г. проект в целом был отклонен.

Твердое решение правительства Столыпина не разговаривать об отмене смертной казни, а вешать вызывало все новые и новые протесты против смертных казней.

Среди просмотренных протестов крестьян, встречаются живые по их форме, но интересные по содержанию. В одном из таких протестов читаем: „мы, крестьяне... пришли к заключению, что нам необходимо отменить смертную казнь. Убить человека можно, а воскресить не воскресить никогда никакими сказочными водами. Много, много погибает людей безвинно-напрасно и никогда не возвратишь“.

Среди 75 наказов крестьян Самарской губернии депутатам думы, имеется 37 наказов с требованием отмены смертной казни.

В прессе отмечены протесты рабочих невского и судостроительного заводов, 76 служащих восточного общества товарных складов, профессионального союза рабочих по обработке дерева, профсоюза печатников, рабочих фабрик Кушнерова, многочисленных групп петербургских рабочих, собрания 5000 московских городских служащих.

Отмечен протест 22-х гласных московской городской думы против массовых казней.

Отмечены протесты против смертных казней: собрания городских служащих Харькова в количестве 5000 чел., петербургских рабочих в количестве 12.000 чел., студентов петербургской духовной академии, курсистов строительных курсов.

Отмечены протесты русской группы международного союза криминалистов: второго съезда адвокатов в Москве, кассы взаимопомощи литераторов и ученых, десяти предвыборных (в госдуму) собраний, тридцати университетов и гимназий, 12 союзов

равноправия женщин, 15 педагогических обществ, 39 почетных мировых судей Москвы, рабочих нарвской мануфактуры и вагонных мастерских александровского завода, всех войск иркутского гарнизона, митинга русской колонии в Лондоне, все-русского съезда жел. д. служащих и рабочих, крестьянского союза, 25 медицинских обществ, около 80 земских организаций и почти вся пресса в России.

Рабочие, крестьяне, служащие, из разных городов России направили в государственную думу телеграммы, ходатайства об отмене смертной казни. В Петербурге в 1910 г. учащаяся молодежь устроила многолюдную демонстрацию с плакатами „долой смертную казнь“. Демонстранты шли по главным улицам и пели „вечную память“ и похоронный марш. Полиция атаковала демонстрантов, арестовав руководителей, которые были присуждены к аресту на 14 суток. Аналогичная попытка устроить демонстрацию повторилась в Москве, но собравшиеся были скоро рассеяны полицией.

В 1910 г. в Томске студенты медики, окончившие университет, на своем собрании постановили никогда не присутствовать при исполнении смертных приговоров. Власти пытались запретить выдачу этим студентам дипломов, но попытка не увенчалась успехом, дипломы им были выданы.

Аналогичный случай произошел в это же время в Смоленске, где смоленский губернатор разослал запрещение земствам принимать на службу молодых „крамольных“ врачей.

В ноябре 1912 г., произошли забастовки протеста против смертной казни: на фабриках, заводах, типографиях столицы и провинции: на фабриках Брокера, Бландовых, Эмиля Цинделя, Бонакера, Добровых, Набогольца. Людвиг Смита, Висорсона, на казенном винном складе, Гаккенталя, на Мытищенском вагоностроительном заводе, у Эмиля Липгарта. Некоторые забастовки сопровождались демонстрациями. Общее число забастовавших достигло нескольких десятков тысяч человек.

Наряду с голосом протеста общественных групп и прессы—выступали отдельные представители церкви, присоединившись к общему кличу: „долой казнь“ (священник Петров, лишенный сана, и священник Татаришвили, заключенный в монастырь, в Тифлисе, за протест перед молящимися против смертной казни).

На петербургской станции Финляндской жел. дор. покончил с собою священник с Ново-Елизаветинского, Днепровского уезда, таврической епархии Александр Пономарев. Он положил свою седую голову на рельсы,—и колеса паровоза ее отрезали. Старик приехал в Петербург хлопотать о смягчении смертных приговоров, вынесенных в 1908 г. екатеринославским военным судом. Потрясенный неудачей, он покончил самоубийством.

В общественных местах, в семьях, на улице, на фабриках—езде, о чем бы не шла речь,—неизменно разговор переходил на тему о казнях.

Еще один своеобразный „протест“ против казни... на „страстной“ неделе.

Полтавский поп Чередницкий „запротестовал“ против казни в Полтаве, в среду, на „страстной“ неделе, по его письму, опубликованному в апреле 1911 г. в черносотенной прессе, видно, что поп скорбит, потому, что в „священные для христиан дни грешно омрачать совершением смертной казни и должно отложить ее до после пасхи“. Чередницкий, во славу господу богу призывал не прекращать массовые казни и казни вообще, а только отложить ее на 2 недели, мол, „святая пасха пройдет и казнить уже можно“.

Отдельные представители либеральной интеллигенции теряли надежды на общественный сдвиг в сторону отмены смертной казни. Каждая новая казнь диктовала энергично и более организованно мобилизовать общественное мнение вокруг вопроса о казнях.

Такая организованная попытка была сделана летом 1908 г. в Петербурге. Группа общественных и политических деятелей пыталась учредить в России „Лигу борьбы против смертной казни“.

Правительство почувствовало некоторую угрозу и отказалось регистрировать устав этого об-ва, мотивируя тем, что смертная казнь будет доведена до минимума, когда страна „успокоится“, а упразднить вовсе смертную казнь — праздная мол, фантазия.

Все же учредителями этого (полунелегального) об-ва была выпущена прокламация, выдержки из которой помещаем здесь:

„Мы обращаемся, — говорилось в воззвании, — ко всем русским гражданам и гражданкам, без различия вероисповедания, общественного положения, степени образования, политических убеждений, мы обращаемся с призывом направить все свои нравственные силы и влияние на борьбу против ужаса наших дней — смертной казни... Протестуйте против смертной казни: в вашем семейном, дружеском и деловом кругу, в тех обществах, где вы работаете, с церковными амвонов, с учительской кафедры, в печати, словом, всеми доступными вам средствами, — протестуйте против смертной казни“.

Воззвание, разумеется, было конфисковано, составители его взяты под негласный надзор, а казни продолжались.

Газета черносотенцев „Земщина“ в июле 1910 г. писала:

„Они распинаются за отмену смертной казни, учреждая лиги борьбы с этим ужасным злом... А мы полагаем, надо организовать лиги ходатайства о внесении телесных наказаний. Только физическая боль может заставить разных злодеев сдерживать свои зверские инстинкты. Без хорошей порки, ни тюрьма, ни каторга им не страшны“...

Протесты против массовых смертных казней и переполненных каторжных тюрем в России раздавались и далеко за ее пределами. В 1912 г. было выпущено специальное воззвание 500 виднейших общественных деятелей Западной Европы, потрясенные зверствами русского самодержавного правительства над своими

политическими пленниками. Помещаем выдержки из воззвания опубликованного в прессе за границей:

„С момента объявления конституционных свобод в октябре 1905 года до сего дня в России осуждено за политические преступления свыше 40.000 человек, из них свыше 3000 повешенных, свыше 10.000 замуровано в „мертвых домах“ — на каторге. Большинство осуждено военно-полевыми судами. Чрезвычайное переполнение тюрем, неисполнение элементарных правил гигиены ведет к развитию эпидемий среди голодающих и лишенных врачебной помощи заключенных: они гибнут от цынги, тифа и туберкулеза. Процент смертности равен во многих тюрьмах громадной цифре — 12% в год. Тюрьма часто является источником заразы для всего округа. Осужденные на длинные сроки — а такова судьба большинства политиков — присуждены к неминуемой гибели, осуждены на медленную смерть.

Обращение с заключенными — неслыханное; мучительства при допросах, тяжкие избиения мужчин и женщин — таковы факты, устанавливаемые на суде и из года в год фигурирующие в думских запросах.

Среди заключенных свирепствует эпидемия самоубийств — эти несчастные люди в самоубийствах видят единственный выход из своего положения, не малую роль для многих играет и надежда на то, что их добровольная смерть заставит громко заговорить общественное мнение и улучшит судьбу оставшихся в живых товарищей.

Не менее глубоко трагична судьба тех политических ссыльных, большинство которых выслано административно без суда. Они безнадежно гибнут на далеком севере без пристанища, полуголодные, полуодетые.

В свое время Джорж Кенан вызвал взрыв общественного негодования в Западной Европе, теперь, четверть века спустя мы стоим перед лицом фактов еще более ужасных. Как тогда, так и теперь ни в коем случае нельзя смотреть на эти факты, как на дело внутреннее, касающееся одной России. Они вызывают к совести каждого культурного человека, кто бы он ни был, каковы бы ни были его политические убеждения. Уже несколько лет, как в Западной Европе нарастает движение против этих ужасов. В 1909 г. английский комитет, состоявший из парламентариев разных партий, журналистов, представителей церкви и университетов, опубликовал воззвание к британскому народу о терроре в России. Во Франции „Лига защиты прав человека и гражданина“ протестовала по тому же поводу. К этому движению протеста примкнули и другие страны и ныне — это дело всего культурного мира.

Мы объединились с целью собирать и опубликовывать факты, которые дают возможность друзьям справедливости и человечности составить верное представление об ужасах русской тюрьмы и ссылки. Мы будем будить совесть людей, не знающих об издевательствах и истреблениях тысячи человеческих жизней. Мы морально и материально докажем, что мы чувствуем и понимаем страдания этих несчастных людей, гибнущих в русских тюрьмах и сибирских рудниках“.

К мировому голосу протеста против массовых смертных казней в России присоединились русские писатели и ученые. Отдельные издания и рассказы, вышедшие в те годы и посвященные вопросам борьбы со смертной казнью — читались нарасхват.

„Рассказ о семи повешенных“ Л. Андреева — переходил из рук в руки. „Не могу молчать“ Л. Н. Толстого — была равноценна подпольному изданию. Отдельные газеты и журналы штрафовались за печатание на своих страницах статей, посвященных отмене казней. В результате книга „Не могу молчать“ была выпущена в Берлине.

Отдельные брошюры, посвященные массовым казням, конфисковались правительственными агентами немедленно после

выхода их из печати, но нередко агентов перехитрили и часть тиража — все же переходила из рук в руки как редкие подпольные экземпляры. Особенно ценными были брошюры:

- „Шесть месяцев военно-полевой юстиции“, Н. И. Фалеева, изд. 1907 г.
- „Карательная экспедиция“, В. Владимирова, изд. 1906 г.
- „Кровавый Синодик“, Богучарского, изд. 1906 г.
- „Последние слова казненных“, изд. 1906 г.

Весною 1909 г. в Москве была выпущена книга „О смертной казни“. В этом сборнике, состоящем из ряда очерков 30 русских криминалистов, высказывается мысль о безрассудности массовых казней и казней вообще, практикуемых русским самодержавием.

На протяжении 1907-1908-1909 гг. большинство русских писателей-художников, протестуя против массовых казней, посвятили этому вопросу ряд очерков и рассказов, давая художественное отображение казням, как „дело варварское безумное, безгранично-жестокое, позорное, бесчеловечное“...

Из наиболее ярких художественных произведений той эпохи, рисующих ужасы казней и героизм революционеров, шедших на казнь, отметим следующие:

- Л. Н. Толстой. Не могу молчать.
- В. Г. Короленко. Бытовое явление. „Русское Богатство“, 1910 г., № 3—4.
- Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных. Изд. „Шиповника“. СПТ. 1908 г.
- В. Анучин. Казнь Якова Стеблянского. „Русская Мысль“, 1908 г., июнь.
- М. Арцыбашев. Сказка старого прокурора. „Соврем. Мир“, 1908 г., № 12.
- Н. Алешов. Последние могикане. „Образование“, 1908 г., № 8.
- Мих. Борешкий. Из летописи одного города. „Речь“, 1909 г., № 216.
- Будищев. Нервы. „Речь“, 1909 г., № 342.
- Мурин. Стыд потерян. „Слово“, 1908 г., № 798.
- И. В. Пришвин. Палач. „Образование“, 1908 г., № 12.
- А. Свирский. Чудо. „Образование“, 1908 г., № 8.
- А. Свирский. Зверь. „Нива“, 1909 г., № 11.
- Л. Семенов. Смертная казнь. „Вестн. Европы“, 1908 г., авг.
- Сергеев. Год тюрьмы. „Вестник Европы“, 1910 г., апрель.
- Ф. Сологуб. Старый дом. Сборник „Земля“, кн. III, Москва, 1909 г.
- Е. Чириков. На пороге жизни. Сборник „Знание“, кн. XX.
- Р. М. Хин. Она придет. Сборник против смертной казни 2 изд., М. 1907 г.
- Г. Яблочков. Товарищ Полетаев. „Альманах 17“ СПб., 1909 г.
- Кузьмин-Караваев. Еще год казней. „Вестник Европы“, февраль, 1910 г.

Подавляющая часть населения тогдашней России ловило каждое слово, связанное с казнями, накапливая все больше и больше возмущения против кровью залитого трона последнего из Романовых.

Общество и печать, протестуя против небывалых в России смертных казней, вынудило правительство... выступить с официальной декларацией, в виде правительственного сообщения, гласящее:

„За последние два года (1906-1907 гг.) — революционное движение проявляется с необычайным напряжением. С весны этого (1907) года, оно особенно усилилось... Преступления эти ясно доказывают, что революционные организации напрягли все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работе правительства, расстроить его ряды и применением грубого насилия прекратить всякую работу мысли и всякую возможность созидательной жизни государства.“

Прикрывшись официальным сообщением, правительство даже и не намекало на возможность изменения системы расправы со своими политическими противниками и казни не уменьшались. Не уменьшались и стремления террористических групп и впредь „расстраивать ряды“ правительственных ответственных агентов. Почти одновременно с вышеприведенным официальным сообщением боевая организация подготовила в начале 1908 г. крупный террористический акт над министром юстиции Щегловитовым и великим князем Николаем Николаевичем.

Террористический акт совершить не удалось, благодаря крупной провокации. По этому делу казнено было 5 человек и трое было сослано в каторгу. И по этому поводу правительство также выпустило официальное сообщение с указанием, что виновники уже казнены.

Недаром ведь заявил министр Макаров, „так было, так будет“ по запросу в государственной думе о расстреле рабочих из ленских золотых прииска в апреле 1912 г.

„Так было, так будет“ — устами Макарова означало: „расстреливали и вешали, будем вешать и расстреливать“...

Н. С. Таганцев, в своей книге: „Смертная казнь“ (изд. 1913 г.), посвященной отмене смертной казни вообще, приводит ряд характерных взглядов царских агентов — защитников смертной казни. Так, член гос. совета Крамер, сторонник применения смертной казни по политическим процессам, высказал мнение, что „политические преступники вообще являются наемными людьми и нанимаются для совершения террористических актов молодые евреи“.

Другой ярый защитник смертной казни С. С. Гончаров, также считал, „что политические преступники действуют не из личных расчетов и побуждений, что они люди идейные, чувству страха недоступные, но они подкупали на убийство других людей, подставляя их под кары и наказания, скрываясь за их спиной. Политические действуют якобы из желания блага народу. Нет, это враги народа: они пользуются такими средствами, которые недостойны носить имя политических деяний людей, преследующих блага народа“...

Подобные „речи“ были тогда не новы: черная сотня в целом, во главе со своим верховным председателем Николаем Романовым — взвалила на плечи еврейской бедноты всю тяжесть ответственности перед царизмом за первую массовую революцию 1905 г. Революционные организации заверили самодержавие, что виселицами и погромами вряд ли оно сумеет укрепить свой расшатанный трон.

Грянула мировая война. Поборники отмены казней „Лиги“, либеральная интеллигенция России и заграницей и им подобные, повернулись спиной к своим вчерашним вехам, окунувшись в шовинистический угар „войны до победного конца“, что означало посылку на убой не десятки, сотни, тысячи, а

миллионы людей на верную смерть. Кажущееся человеколюбие отошло на задний план. Лишь те, которые впервые подняли свой голос протеста против смертной казни, — пролетарская общественность, питерские рабочие, остались верны своим верованиям. Петербургские рабочие исторически доказали, что эшафоты 1905 — 1912 гг. не повторятся в 1917 г. и что словами, декларациями и просьбами делу не поможешь. Для того, чтобы массовые казни и казни вообще прекратились, нужно начинать с головы: свергнуть творца эшафотов, что они фактически и сделали.

Дальнейший ход исторических событий показал, какие общественные группы и какой класс оказался последовательным в своих лозунгах, против царских казней и против царей вообще.

Министр Макаров твердо заявил: „так было, так будет“. Октябрьская революция не менее решительно ответила:

„Так было, это верно, но так уже не будет“ ...

